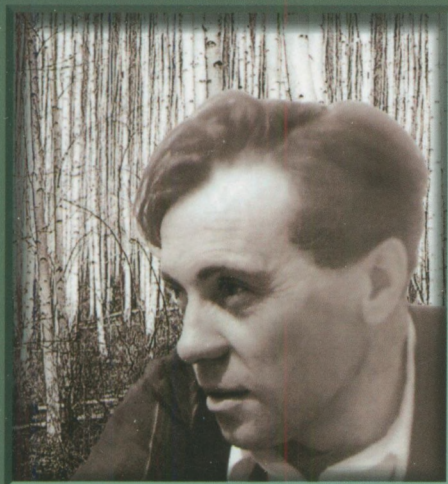

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЮНОШЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(ноябрь 2008)

Юношеская секция

**ВРЕМЯ «ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА»:
ЦЕННОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ОБЩЕСТВА
И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Пермь 2009

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
А 91
ISBN 9785903777044

В книгу вошли лучшие материалы юношеской секции Астафьевских чтений, которые состоялись в Перми и Чусовом в 2008 году.

Издание осуществлено при поддержке министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.

© Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», составление, оформление, 2009

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛИ

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Ю. Г. БОБКОВА

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

В. А. ЗУБКОВ

ПРЕДСТАВЛЯЮТ РАБОТУ ПОД НАЗВАНИЕМ

Елена Афанасьева,

ученица 11 «б» класса школы № 6 г. Перми

Руководитель – Т. В. ГУСЕВА

ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

Имя Виктора Петровича Астафьева хорошо известно в нашей стране и за рубежом. Он помогает читателю обрести гражданскую позицию и духовные ориентиры.

В 2001 году в журнале «Новый мир» был впервые опубликован его рассказ «Пролетный гусь». В рассказе подняты нравственные проблемы, которые всегда присутствовали в русской классической литературе. Речь идет о взаимоотношении человека и исторического времени; о нравственном выборе, о долге, совести, чести, любви, смерти-бессмертии.

Из финала рассказа мы узнаем, что «шел одна тысяча девятьсот сорок девятый год». В первом абзаце предстал мир, «с места сдвинувшийся, погруженный в морок, в мокреть и тучи». Даже само название уголка нашей страны, который приютил молодоженов, соединенных своей неприкаянностью, режет слух и дышит какой-то несуразностью и бессмысленностью: Чу-фы-ри-но... Название это придумано Данилой, когда «было просто радостно на душе от Победы, просто хотелось орать, плясать, всех обнимать и всякие шутки, веселые, каламбурные слова говорить». Но вышел каламбур явно не веселый. Может, сквозь окрыленность Победой уже проступало предчувствие

ненужности «героев и победителей», привыкших в армии, чтоб за них думали, куда-то вели, направляли, определяли. Им не верилось, чтобы их сейчас вот «взяли и кинули» на произвол судьбы. А ведь «взяли и кинули». Еще и как! И сразу обращает на себя внимание разнотилевая лексика. С одной стороны, «герои», «победители», «Великая Победа», а с другой – экспрессивно-сниженные слова: «кутили напропалую», «жрали сало». И очередная авария на железной дороге, которая разбросала солдатиков по всей Белоруссии, воспринимается как катастрофа, как крушение нелепых надежд.

В «Пролетном гусе» надежда рушится сразу: мы узнаем, что самого светлого, самого чистого, самого слабого и незащищенного существа – ребенка «не стало поздней осенью». Только ли время убило мальчика? «Да не научены, не умеем мы жить!.. Какой я муж? Какой я отец? Не гожусь я на эти ответственные должности!» – кричал в отчаянии Данила после похорон сына. Именно в этом и заключается главная беда «потерянного» военного поколения... Как сказал сам Виктор Петрович Астафьев: «...война – такая это биография? Пустое время, понапрасну потраченное». Но она оставляет незаживающие раны в душе. После нее появляются люди, умеющие воевать, но не умеющие жить. Писатель отказывает ребенку в жизни, так как не видит для него будущего.

Раскрывая судьбы и характеры главных героев рассказа, Астафьев убеждает читателя в том, что они сами выбрали себе судьбу в соответствии со своими нравственными нормами и законами. Марина и Данила Солодовниковы живут трудной, суровой жизнью: «нельзя сказать, что первая послевоенная зима была для молодоженов очень трудная, она была, как у многих людей в стране, просто трудная». Уже в начале рассказа мы узнаем, что Данилу ждут в «маленькой однокомнатной избушке» жена и сынишка, который «болезненно плаксив, часто болел насморком, у него на пересчет выступали по бокам ребрышки, выглядел он года на два с половиной, хотя шел ему четвертый. А все от неустройства, от нервности, от слабого питания матери. И где им что взять?..»

Этот рассказ интересен тем, что заставляет задуматься над вопросами, на которые стремится ответить себе каждый: что стоит за высоким нравственным выбором (какие силы челове-

ческого ума, души, судьбы), что помогает человеку сопротивляться, проявлять удивительную жизнестойкость.

До встречи с Мариной Данила чувствовал свое «одинокое» и душевную покинутость». Знакомство с ней изменило всю его жизнь. Он стал проявлять заботу о своей жене с первых же минут их совместного пребывания в эшелоне.

Живя у хозяйки Виталии Гордеевны, Данила не отказывался ни от какой работы: «чего надо, выкрасил, подлатал, всему учась в процессе жизни...» Еще большую ответственность взял он на себя, когда на исходе зимы привел из родильного дома жену и принес на руках Аркашу. Чувство ответственности за свой дом, за семью, за болезненного мальчика очень близко автору. Он подробно вглядывается в то, как не на жизнь, а на смерть борется бывший солдат, спасая сына. Данила идет в «прахитанты» к Пахомке Верещаку, главным призванием в жизни которого была охота. «Не будь Данила смиренным и терпеливым от рождения человеком, бросил бы он эту всю сложную и хитрую науку пригородного промысловика... Но он все вытерпел, все превозмог и научился, хоть и не очень хорошо, стрелять, владеть утиными манками, рябчиным пищиком, делать чучела, петли на зайцев ставить, избродил все окрестности, познал таинственный смысл жизни русских лесов и вод, получил много радостей и много огорчений».

По жизненной энергии, воле, устремленности герой очень близок автору, хоть и звенит натянутой струной безысходность уже в начале рассказа, когда Данила, ушедший до рассвета в тайгу, не сделав ни одного выстрела и не встретив ни одной птицы, голодный, вынужден был бродить по мокрому, холодному лесу. Он мог бы, как делал это раньше, впрыгнуть в грузовой состав, чтобы «поскорее вернуться домой, обсушиться, обогреться и уснуть». Но Данила не мог, не имел права вернуться с пустыми руками, нельзя было оставить сына без мясного бульона.

Пролетный гусь-подранок – это символ не жизни, а последующей смерти всей семьи Солодовниковых. Они так же «пролетят» по жизни. И хоть стойко держался Данила, даже в трудные минуты постоянно помнил о чувстве собственного достоинства, о своей чести, о чести своей семьи, но смерть сына надломила его. Данила просто не смог больше жить и бороться. Его боль оказалась сродни смерти. Человеческого лица он не потерял, до конца своей недолгой жизни ни в чем не изме-

нил себе: не торопился возвращаться из туберкулезной больницы, чтобы не затруднять жизнь Марины. Тайком приходил проведать больную Викторину Гордеевну, оставил жене записку, чтобы она не приходила к нему часто, а лучше больше отдыхала... Он тихо скончался в изоляторе от скоротечной чахотки. Автор подчеркивает, что в молчаливой стойкости Данилы раскрывается истинно христианское отношение к миру: у него нет ни ненависти, ни злости по отношению к «целой армии дармоедов и прихлебателей», он со смирением переносит все испытания.

Марина в порыве отчаяния и безысходности бросила подушечку с наградами мужа в могилу, «глухо мычала да затягивала черный платок под подбородком», перестала вступать в разговоры с Нелли Сергеевной. Автор дает понять читателю, что свой выбор Марина тоже сделала, она тоже «пролетела» по этому миру. Автор считает Марину Солодовникову самым сильным и мужественным человеком. Он написал ее с любовью. Мы видим серьезную, худенькую, коротко стриженую девушку, опрятно одетую. «Но все же ничего деваха была, глаза голубые, губы улыбочивые... нос ровненький, не маленький и не большой, прическа взбодрена и волнисто, гордо откинута вбок и назад». Марина – девушка энергичная, умная, имеющая собственное мнение и умеющая за него постоять. Она сразила Данилу в эшелоне, когда «всех больных в помощи нуждающихся солдат сноровисто и быстро обиходила», заставила прибраться в вагоне. Тем самым она заставила себя уважать «привыкших вольно и дико жить по окопам» хлопцев. Автору очень импонирует ее самодостаточность, духовная и нравственная сила. Она после войны навсегда прощается со своей старой жизнью, всецело веряется Даниле. Марина верит, что новый мир откроется перед нею, и смело едет со своим «чудошком неразумным» в неизвестный город Чуфырино. Жизнь на новом месте не страшит Марину. Она помогала всем страждущим в любое время, не беря с них платы. С точки зрения автора, эта героиня унаследовала лучшие черты героинь русской классической литературы. В ней нет ни капли фальши. Она естественна, откровенна, трудолюбива, честна перед людьми и перед собой.

Автор любит и гордится Солодовниковыми. У них свое счастье – счастье понимания высшего смысла жизни. Такое счастье не дается даром, не приходит само. Его надо заслужить, выстрадать, пройти через искушения, победить зло в себе

и достойно выдержать испытания. Главные герои рассказа, казалось бы, беззащитные перед злом, проникающим в каждый дом, в каждую семью, полны великой нравственной силы, источником которой является истинная любовь. И мы видим, что в столкновении двух сил (жестокости одних людей и душевной чистоты, стойкости, героической твердости других) победу над злом одерживает добро, но победа эта, по мнению автора, оказалась никем не востребована, более того, отступила на задний план. И хотя во время застолья Марина грудью защищает своего мужа от неожиданно навалившегося на них зла, перед мерзостью человеческой она оказывается безоружной. Марина – сильная женщина, но смерть сына и Данилы сломили ее. Теперь жизнь ее «шла будто в полусне». Не привыкшая жить за счет других, она не хочет идти в церковь. Нет, она не безбожница, просто за этим тоже стоит ее выбор. Астафьев показывает, что Марина вполне вменяема, что ее самоубийство вынуждено, выболено. Автор не оправдывает ее, он знает, что она загнана в тупик, и выхода для нее не видит.

Резко контрастно изображает писатель вторую молодую семью – Владимира Федоровича и Нелли Сергеевну Мукомоловых. Владимир – сын Виталии Гордеевны, которая по душевной щедрости и доброте стала родной матерью для Солодовниковых и «бабой Итей» для Аркаши. Однако возвращение сына вызвало в ней гнетущее чувство. Она удивлялась, как могут сын и невестка вести никчемную, пустую жизнь и при этом быть довольными собой.

Отношение к народу, к его жизни выступают главным мерилом нравственной сущности человека. В любом человеке изначально заложены добро и зло (такова человеческая природа), и он сам делает выбор и несет ответственность за этот выбор.

Владимир Федорович, вняв совету умирающего отца, благополучно окончил военное училище, дальше учиться помешала война. Он на Волге, под Сталинградом, куда занесла его война, пытался сотворить что-то героическое. Один раз даже заменял командира стрелковой роты, но быстро понял, что это опасно – «тут и убить могут». Он крепко усвоил, что «главная задача его и политотдела всей героической Сталинградской армии – не особо мешать людям, но и держаться так, чтобы о них совсем не забыли. <...> Приобрел он на фронте солидное тело и жену Нелли Сергеевну». Подчеркивая свое отноше-

ние к Мукомоловым, автор опять смешивает стилистические пласты языка: «сотворить героическое», «светская беседа и идеологический уровень»; «приобрел тело и жену». Виктор Петрович пишет: «Приехали супруги Мукомолы с кучей добра, румяные, пригожие, на дворян похожие, и с дворянскими, пусть еще и коряво выглядевшими привычками и манерами». Конечно, только раздражение вызвали у них уработавшиеся Марина и Данила Солодовниковы. Поэтому и «началась тихая, никому неведомая война в доме».

И пророчески звучат слова подруги Виталии Гордеевны: «Ну, Виталю, держись. Энти господа ни тебе, ни робитишкам жизни не дадут, сживут со света». И жили медленно, планомерно, с каким-то скрупулезным изуверством. Где же «робитишкам» было справиться с «господами»? Нелли Сергеевна не только нарочно подкладывала золотые колечки, дорогие брошки, подбрасывала деньги, «испытывая на прочность квартирантов и саму Виталию Гордеевну», но и издевалась над Аркашей, выкладывая на виду у голодного мальчика конфеты...

Но страшно не только то, что господа Мукомолы выжили из дома Марину и Виталию Гордеевну, но и то, что они утвердились в жизни. Пока угасали Аркаша и Данила, пока выматывалась, пытаясь их спасти, Марина, Владимир Федорович сходил в партком, трудоустроился, «совсем недолго ходил на завод пешком, затем ездил на дежурном автобусе, и вот за ним закрепили персональную черную «Волгу».

Свои мысли автор доверяет Виталии Гордеевне, которая, молча наблюдая за всем, поражалась тому, что происходит. Целые армии дармоедов, прихлебателей были на коне, считали, что на войне и в мирной жизни без них шагу не сделать, что они главная движущая сила побед и прогресса, так и до сих пор считают. А тут какие-то Солодовниковы «копошились в ногах». Уничтожить! И уничтожили.

Почему В. П. Астафьев не оставил читателям никакой надежды? Скорее всего, самоубийство Марины автор показывает как протест. Может быть, самоубийство и было проявлением той самой моральной силы и мужества, что противопоставлены Мукомоловым. Марина выбрала смерть, чтобы не жить среди таких людей, так как мир оказался во власти этих господ.

Почему автор не спас своих героев, которым безусловно симпатизировал? С чем связана столь печальная и беспросветная перспектива существования нашего мира в глазах писате-

ля? Возможно, с разочарованием его в последние годы жизни в тех светлых идеалах, на которых должна строиться жизнь.

Рассказ Виктора Петровича Астафьева не может оставить равнодушным. Где же спасение? Я сразу вспомнила фразу из речи А. Солженицына, которую он произнес на вручении Нобелевской премии: «Жить не по лжи». Рассказ «Пролетный гусь» – это призыв человека восстать против открытого насилия. Простой шаг простого мужественного человека – это его попытка не участвовать в зле, чтобы ростки добра и правды проросли, ведь «одно слово правды весь мир перетянет».

Астафьев жизнь и судьбу не проклинает. При всей тяжести повествования о послевоенном времени автор тверд в понимании того, что есть всегдашние человеческие ценности, на которых держится мир: милосердие, любовь, душевность, глубокая нравственность. Мукомолы пока на коне... Ну и что?! Но мир держатся не на них, а на таких людях, как Марина, Данила, Виталия Гордеевна. В этом, по Астафьеву, спасение от всеобщего озверения.

Татьяна Гадельшина,

ученица 9 «а» класса школы № 14 г. Губахи Пермского края
Руководитель – О. В. ПАНКРАТОВА

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «ЗАТЕСЕЙ» В. П. АСТАФЬЕВА

Критическая литература по творчеству В. П. Астафьева разнообразна и многопланова. Исследователи, литературоведы обращаются в своих работах как к ранней, так и к поздней прозе писателя, анализируя художественные и композиционные особенности его произведений, большое внимание уделяя нравственной проблематике. Широко известны работы М. Кузнецовой, Л. Смирновой, Н. Авчинниковой и В. Мельника. В их статьях рассматриваются вопросы о том, что повлияло на творчество писателя, на какую тему больше всего пишет Астафьев, какие проблемы он рассматривает в своих произведениях.

Л. Смирнова в своей статье рассматривает вопрос о том, как отражена русская история XX века в произведениях совре-

менных писателей, особенно период Великой Отечественной войны: «В произведениях такого рода роль очевидца некогда произошедшего приобретает особую значимость. Он привносит лично пережитое и заново осмысленное в повествование, наполняя его живыми красками, конкретными решениями»¹. Владимир Мельник в статье «Виктор Астафьев – работник одиннадцатого часа» рассуждает на тему православия в произведениях Астафьева. М. Кузнецова в своей статье «О времени, о жизни, о себе» обращает внимание на название цикла «Затеси»: «Из "Толкового словаря великорусского языка" В. Даля: "затесь", "затесать" что означает зарубать, или делать на деревьях затеси, метки, зарубки". Зарубки обычно делают для памяти». В этой статье говорится о том, что «Затеси» для Астафьева – это воспоминания, размышления, которые он хотел донести до читателя.

Обзор критической литературы убеждает нас в том, что единого мнения о жанре «Затесей» В. П. Астафьева у исследователей его творчества нет. Одни называют произведения, вошедшие в данный цикл, лирическими миниатюрами, другие – воспоминаниями и размышлениями, которые автор хотел донести до читателя, третьи – зарисовками и даже рассказами. И этот факт доказывает, что «Затеси» – цикл произведений, своеобразных по жанровым признакам.

Исходя из вышеизложенного, попытаемся определить, что в этих произведениях от лирической миниатюры, что – от воспоминаний и зарисовок, а что – от короткого рассказа. В чем все-таки жанровое своеобразие данного цикла?

Сам В. П. Астафьев писал об этом так: «Рассказов как таковых в той книге (первое издание «Затесей», М., 1972) было мало, остальные – миниатюры – не "тянули" на рассказ, они были вне жанра, не скованные устоявшимися формами литературы. <...> Остается лишь добавить, что "Затеси", собранные в эту книгу, писались и вели меня к ней почти четверть века»².

Обратимся к самим произведениям. «Весенний остров» – одно из самых светлых и душевных произведений В. П. Астафьева из цикла «Затеси». Герой на пароходе плывет по Енисею, с особым трепетом узнавая родные, знакомые с детства

¹ Смирнова Л. А. Постигание духовной природы человека: В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаев// Литература в школе. 1995. № 4. С. 39–40.

² Астафьев В. П. Зрячий посох: Книга прозы. М.: Современник, 1988. С. 271–278.

места. И вдруг видит остров, на котором каким-то образом сохранилась весна. В этом произведении все ладно, безукоризненно точно – от формы до содержания. Что это? Лирическая миниатюра? Да, потому что в небольшом по объему произведении целая гамма чувств лирического героя. Характерные для лирической миниатюры эпитеты, олицетворения создают емкий художественный образ и помогают автору выразить свое отношение к тому, о чем он пишет, создать особое настроение. Описание острова изобилует глаголами, которые передают жизнь сохранившейся среди лета весны. Но можно ли назвать «Весенний остров» просто лирической миниатюрой? Наверное, нет. Ведь здесь и воспоминания писателя о событии, которое имело место в прошлом, и размышления о весне в душе человека, которая приходит к каждому «поздно или рано... В каком облике, в каком цвете – неважно. Главное, что она приходит». Такого рода размышления характерны для притчи. Заканчивается произведение заключением, характерным для небольшого рассказа, в котором читателю открывается основная мысль его.

Почти в каждом произведении из цикла «Затеси» можно увидеть и притчевую основу, и документальность очерка, и лиризм миниатюры, и особенности рассказа-воспоминания.

Затесь «И прахом своим...» примечательна глубоким философским содержанием. Большая его часть – это описание молодой елочки, которая растет из старого пня. Удивительной поэтичностью отличается это описание. Мы видим объем и форму в описании леса, мы вдыхаем аромат смолы. Талант писателя помогает нам мысленно перенестись в лес, ощутить все то, что чувствовал лирический герой. Очень бережно обращается писатель со словом, точно использует изобразительные средства языка. Многие из эпитетов, олицетворений восходят к устному народному творчеству. Использование просторечных слов не нарушает поэтичного повествования. Но главная особенность произведения – все-таки в его глубочайшем смысле, который раскрывается в последнем абзаце. Это слова не просто писателя, а фронтовика, человека, который прошел через военные испытания, лишения послевоенных лет.

Понятие жизни неотделимо в творчестве Астафьева от природы. Каким бы ликом ни оборачивалась природа к человеку, она воплощает тайну органической жизни, которую писатель понимает как мучительный процесс труда, выживания и роста.

В усилиях, употребленных на поддержание «живой жизни» (когда умереть часто легче и проще, чем выжить), он видит не голую борьбу за существование, а действие высшего, единого для человека и природы закона – прахом своим давать начало новой жизни.

Несомненно, «Затеси» В. П. Астафьева – это своеобразные по жанру произведения. Это не просто сборник зарубок, замечаний для автора, а жанр, имеющий свои особенности, признаки.

В затеси «Марьины коренья» есть описание Северного Урала, его вершин и, конечно же, рек. О реках Астафьев рассказывает, как о людях с их судьбой, жизнью. С самого рождения и до впадения в море – смерти. Ритуал рождения – это самое личное, самое скрытное действие. Основная часть произведения – описание растений, которые несмотря ни на что все-таки выжили. Талантливо раскрывает автор путь этих цветов и их приспособленность к жизни на сопке, «суровой и обманчивой полярным солнцем, которое ослепляет, отражаясь от снегов – белых зайцев, лежащих на спинах сопок». Именно с описания леса начинается раскрытие главной мысли всего произведения.

В. П. Астафьев пишет о русском солдате-победителе. Он возвращается домой, проходя через сожженные деревни, поля, изъезженные танками. Дома ждет любимая, дети, мать. А может быть, уже никого нет... все нужно начинать с нуля. Но он солдат! Солдат-победитель, не только на войне, но и в жизни. Он не имеет права опускать руки. Ведь за его спиной женщины, дети, старики – вся страна. Может быть, рассказывая о солдате, автор пишет о себе? В. П. Астафьев сам был солдатом, делал все от него зависящее и даже сверх того. И в словах «Пусть не остынет алая кровь в тонких жилах цветов!» – напутствие таким же солдатам, чтобы они не упали, не умирали на ходу, как в атаке, а все-таки шли вперед и вперед. «...Низкий поклон им от бывшего солдата российского, который знает, как трудно быть первым».

«Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажженным для нас, чтоб мы не блуждали в потемках, не натывались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не лома-

ли ближнему своему кости. Зачем это все похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во все безверье? Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили? Мы ведь умели и еще не разучились прощать, даже врагам нашим...» – вот ряд вопросов, над которыми В. П. Астафьев размышляет в «Затесях».

Книга о себе, о своих чувствах... Размышления-воспоминания о жизни, о людях, о времени. Размышления, имеющие притчевую основу, несущие глубокие философские осмысления бытия. Лирические миниатюры, обладающие документальной точностью очерка. Короткие рассказы автобиографического характера. К какому бы из этих жанров мы ни отнесли «Затеси», мы не дадим точного определения. Да, пожалуй, этого и не надо делать. Разве главное в этом? Главное в «Затесях» – искренность, с которой писатель обращается к каждому из нас, та пронзительная чистота помыслов, которая проникает в сердце каждого, и то высокое нравственное начало, которое лежит в основе всего цикла этих произведений. «Затеси» В. П. Астафьева – это зарубки на память не только самому автору, но и каждому из нас. Чтобы помнили... Чтобы думали... Чтобы сердцем не черствели... Наверное, в этом и заключается их жанровое своеобразие.

Галия Гайнанова,

студентка Уральского химико-технологического колледжа

г. Губахи Пермского края

Руководитель – Т. М. ГРОШЕВА

НЕВЕСЕЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПОВЕСТЬЮ В. П. АСТАФЬЕВА «ВЕСЕЛЫЙ СОЛДАТ»

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

А. С. Пушкин

Великая Отечественная война относится к тем событиям в истории нашей страны, которые навсегда останутся в памяти народа. Тяготы военных лет наложили огромный отпечаток на сознание людей, они имели страшные последствия.

Война – событие, которое надо было не только пережить, но и осмыслить. Поэтому снова и снова берутся за перо писатели и рассказывают нам об уроках войны.

Виктор Петрович Астафьев принадлежал к поколению тех молодых людей, которые заглянули в лицо войны, едва окончив школу. Осенью 1942 года он ушел в армию и весной 1943-го попал на фронт. Воевал на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, объединившихся затем в Первый Украинский. Был шофером, связистом, артразведчиком. Участвовал в боях на Курской дуге, в освобождении Украины и Польши. Был контужен и тяжело ранен. Демобилизовался в 1945 году. Солдат Астафьев был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За освобождение Польши», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Когда обращаешься к военной биографии писателя, становится ясно, почему тема войны заняла в его творчестве одно из главных мест. А точнее сказать – не просто тема войны, а столкновение человека с ее жестокостью.

Писательский дебют В. Астафьева очень характерен. Он вспоминал: «После войны я занимался в литературном кружке одной уральской газеты. Там я прослушал однажды рассказ кружковца, который взбесил меня надуманностью и фальшью. Тогда я написал рассказ о своем фронтовом друге».

В часы ночного дежурства Астафьев писал свой первый рассказ «Гражданский человек», который «мало чем отличался от десятков газетных рассказов о подвиге связиста». Раненный связист соединил провод, и все завершает утешительный конец: однополчане получают письмо от выздоравливающего героя. Лет через шесть Астафьев вернется к своему первенцу, и лишь тогда обрстет образной плотью сухой костяк фраз, и вдохнет писатель душу в своего Матвея Савинцева. Автор восстановит рукописный вариант: не выздоравливать в госпитале он пошлет героя, а правдиво изобразит, как тяжело и мужественно умирал на поле боя русский человек и в последнюю минуту думал, как бы смягчить горе близких, чем утешить их. Называется рассказ «Сибиряк».

Таким образом, в литературу В. П. Астафьев вошел с военной темой, поскольку первое его произведение написано по фронтовым воспоминаниям. Однако серьезно разрабатывать эту тему он начал позднее. С момента первой публикации в 1951 году до выхода в свет таких произведений, как «Пастух

и пастушка», «Прокляты и убиты», «Веселый солдат», прошло много лет.

Виктор Петрович долго и тщательно готовился запечатлеть в литературе собственный опыт войны. Необходимо было время, чтобы все, что жило в памяти, отлежалось, обрело художественную форму. При этом В. Астафьев не просто вспомнил свои беды, неурядицы и ошибки, реже – радости и удачи, но попытался в череде событий и дел увидеть то единственное, что стало главным, определило его судьбу.

В этом смысле очень показательна, на мой взгляд, одна из последних повестей писателя – «Веселый солдат», после чтения которой, несмотря на ее радостное название, у меня осталось чувство печали и тяжести.

Даже не сразу и догадаешься, что перед тобой исповедь. И автор не спешит с подсказкой. «Сначала и не поймешь, от реального, вымышленного ли лица ведется повествование. Но ближе к середине все больше проступают автобиографические черты... Герой получает имя и из «веселого солдата» становится Виктором Астафьевым»¹. С этими словами критика Павла Фокина соглашается и литературовед Владимир Зубков, доцент кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета, который в статье «Виктор Астафьев после деревенской прозы» отмечает: «В повести "Веселый солдат" граница между художественной изобразительностью и авторской исповедальностью вообще исчезает, поскольку Астафьев перестает маскироваться именами эпических персонажей и, махнув рукой на традицию литературного сочинительства, начинает повествовать о жизни демобилизованного от себя, рассказывать по сути дела о себе»².

Вопреки веселому названию, герой повести душевно и физически очень устал на войне, он издерган, с трудом приспосабливается к жизни и даже подумывает о самоубийстве. Он был тяжело ранен, контужен, у него болит голова, легкие точит туберкулез. Он не имеет жилья, еды, одежды, работы. Но, несмотря на это, все почему-то называют его «веселым солдатом». Читая повесть, мы узнаем со слов его жены, кума, тестя и тещи, что он любит удалые песни, анекдоты и байки. Но военный быт

¹ Фокин П. Виктор Астафьев. Веселый солдат. Повесть// Новый мир. 1998. №5.

² Зубков В. «Виктор Астафьев после деревенской прозы». <http://russ.ru>.

уродует человека. Он уходит из-под устоявшегося «духовного контроля» и дышит воздухом окопа, в котором выгорает кислород. «Непродышливо заразная атмосфера заставляет кровь густеть, она закупоривает вены и извилины в башке. Вернуть изначальный состав крови, становиться самим собой очень трудно – для немалого числа фронтовиков это дело оказалось непосильным. К зверю ближе, к человеку, веками трудно пестуемому, при его-то упорном сопротивлении, далеко и очень, вот часть фронтовиков и подались к зверям»³.

Какие горькие, но правдивые слова! Сегодня-то мы знаем, что послевоенная жизнь фронтовиков далеко не всегда способствовала заживлению ран и выпрямлению человека. Часто она усугубляла чувство униженности, бесправия, растерянности от нищеты и несправедливости.

Во время чтения «Веселого солдата» я вспомнила вдруг солдата Сашку – героя одноименной повести В. Кондратьева. И подумалось: а не от этой ли растерянности и унижения наложил на себя руки писатель-фронтвик Вячеслав Леонидович Кондратьев?

В книгах Астафьева о войне все чаще выходит на первый план образ народа, привыкшего к многолетнему унижению и покорности, теряющего нравственное достоинство и духовное самосознание. Поэтому, может быть, повесть Астафьева открывается эпиграфом из Гоголя, горько контрастирующим с ее названием «Веселый солдат»: «Боже! Пусто и страшно становится в Твоем мире». Не случайно посреди сугубо бытового повествования о госпитале 1944 года, о живущей поблизости красавице-казачке Марине и ее примаче, хозяйственном и добром Тимоше, прорвется вдруг безжалостный прогноз будущей социальной болезни множества таких, как он, мужиков: «Пройдет всего лишь несколько десятков лет, и, истощенный братоубийством, надсаженный “волевыми решениями” и кровопролитной войной, потерявший духовную опору и перспективу, превратится он из послушного работника в кусочника, в мелкого вора, стяжателя, пьяницу... И пойдет потомок Тимоши по земле с открытым мокрым ртом, мутным, бессмысленным взглядом... Пьяный еще в животе матери, пьяным отцом зачатый, выжмет-ся из склизкого чрева склизкое одноклеточное существо без

³ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 134.

мыслей, без желаний, без устремлений, без памяти, без тоски о прошлом... признающее только власть кулака... Но когда это еще будет?!»

А пока В. П. Астафьев обращает нас к годам своей молодости. Последние дни на фронте, ранение, госпитали, женитьба, возвращение к мирной жизни, бедность и злоба, ночные кошмары, надрывы, любовь, похороны... Все как в жизни. Память водит пером писателя, и он горько усмехается: «Память моя, что кочегар на старом пароходе, шурует и шурует уголь в топку, а куда, зачем и как идет пароход – нижней команде не видно, ей лишь бы в топке горело да лишь бы пароход шел».

Наверное, поэтому и основным пространством поздней военной прозы Астафьева становятся «сырые, мрачные, бесконечно длинные и глубокие, как братская могила, склепы» ровенских казарм, в которых «дослуживают и теснятся хромоногие, больные, припадочные, гнилобрюхие и гнилодыхие солдаты» («Так хочется жить»); замороженные бараки сибирских учебных полков с наледями солдатской мочи у порогов и сырыми комками доходяг на верхних ярусах нар («Прокляты и убиты»); распределители и сортировки, где «вечный шум, гам, воровство, грязь, пьянство, драки, спекуляция... Паскудное, страшное заведение, грязное гнездо, свитое под благородной вывеской «Госпиталь» («Веселый солдат»).

Все чаще на первый план выходит скверна народной жизни. Повесть «Веселый солдат» состоит из двух частей. Что происходит в первой части? Под гипсом, который накладывают прямо на раны, не обрабатывая их, у солдат заводятся черви и вши. Вши белесые, ленивые, черви тоже белые, с черными головками, они начинают размножаться и питаться плотью, сводя человека с ума. Это называется «Солдат лечится». Вторая часть называется «Солдат женится». Ребенок угорает в крошечной развалухе, где поселилась молодая семья, но своим кашлем будит и спасает от смерти родителей. Простудившаяся маленькая девочка умирает в больнице...

Но начинается повествование с главного события: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне».

Казалось бы, что тут необычного? Ведь долг солдата – убить врага, посягнувшего на нашу землю. Тогда почему бывалый фронтовик, наверное, не раз убивавший врагов, начинает свой рассказ именно с этого эпизода? И позже герой повести не-

однократно вспоминает убитого им немца в разных ситуациях, как правило, связанных с проявлением жестокости. Ответ на эти вопросы, на мой взгляд, может быть таким: образ убитого немца понадобился автору для того, чтобы ввести в повесть тему, которая все яснее и настойчивее звучала в поздних произведениях писателя, – тему греха и покаяния. Сначала «убил человека». А уже после – «Немца. Фашиста».

Читаем далее: «Я убил фашиста. Убил врага. Он уже никого не убьет. Я убил. Я!..» В этих словах – гордость солдата, воюющего за правое дело. Он называет убитого «фашистом», «врагом». И вдруг ночью герою снится убитый враг, но уже совсем по-другому он называет его: «в покинутом окопчике обустраивается навечно в земле, чтобы со временем стать землей, убитый мною человек».

Следующие далее натуралистические описания не могут затмить постижение героем страшного смысла гибели жизни: «Нечего сказать, мудро устроена жизнь на нашей прекрасной планете и, кажется, «мудрость» эта необратима, неотмолима и неизменна: кто-то кого-то все время убивает, ест, топчет, и самое главное – вырастил и утвердил человек убеждение: только так, убивая, поедая, топча друг друга, могут сосуществовать индивидуумы земли на земле»⁴.

Герой с ужасом осознает личное свое участие в уничтожении жизни. Именно это и вызывает покаяние. И уже никакие злодеяния других людей не могут затмить в нем собственной вины. Убийство немецкого солдата осознается как грех, за который приходится платить всю жизнь, и немалую цену: болезнями и страданиями близких, смертью детей... Чувство вины жжет душу.

У Гессе в книге «Игра в бисер» есть замечательная фраза, касающаяся классической музыки: «Жест классической музыки означает знание трагичности человечества, согласие с человеческой долей, храбрость, веселье». Мне кажется, «Веселый солдат» В. П. Астафьева весел и храбр именно в этом смысле. Его война, его жизнь, его жест – об этой трагедии, о согласии с человеческой долей.

И еще. В недавно изданной переписке писателя с литературным критиком В. Курбатовым имеется письмо, отправленное из Овсянки в разгар работы над второй книгой романа

⁴ Астафьев В. П. Там же. С. 147.

«Прокляты и убиты». Оно подтверждает то упорство, с которым Астафьев стремился связать обжигающие и корежащие будни войны с вечными проблемами человеческого бытия: «Я усложнил себе задачу тем, что не просто решил написать войну, но и поразмышлять о таких расхожих вопросах, как что такое жизнь и смерть и человечешко между ними. Может быть, наивно, может, и упрощенно даже, но я все же пытаюсь доскрестись хоть до верхнего слоя той горы, на которой и Лев Толстой кай-лу свою сломал».

Светлана Дементьева,
ученица 9 «а» класса
школы № 20 г. Губахи Пермского края
Руководитель – Н. И. РАДЫГИНА

«КТО ПОГАСИЛ СВЕТ В НАШИХ ДУШАХ?»
(По рассказу В. П. Астафьева
«Слепой рыбак»)

Проблема судьбы народа, его духовного, нравственного здоровья волнует художников наших дней. Писатели неизменно сравнивают в своем творчестве прошлое с настоящим, анализируют социальные коллизии и их истоки, пытаются заглянуть в будущее.

Мое знакомство с творчеством Виктора Петровича Астафьева началось не так давно. В 7-м классе я участвовала в городском конкурсе чтецов его прозы с «Последней песней» и заняла первое место. На следующий год для этого же конкурса я готовила новое произведение – «Куропатка и машина». А теперь я просто зачитываюсь его рассказами, романами, возвращаюсь к его произведениям снова и снова, как к старшему за советом или к забытому колодцу – за водой. Я перечитываю его рассказы и благодарю Бога за счастье прикоснуться к творчеству такого человека.

После чтения любого его произведения я долгое время хожу с тяжелым сердцем, с противоречивыми чувствами. Все его рассказы заставляют меня думать, вызывают к рассудку и совести.

Просматривая критику, я совершенно случайно наткнулась на первую книжечку о Викторе Астафьеве, написанную Алексан-

дром Макаровым и выпущенную Пермским издательством. Для автора «включенность» творчества Виктора Астафьева в «деревенскую» прозу, как он писал, была совершенно очевидна. «...Пишет он словами простыми, таящими в себе и запахи тайги... и строгий покой лесных озер... и неизъяснимую нежность ко всему живому»¹.

Поэтизация нравственных основ крестьянской трудовой жизни сменяется у Астафьева, горькими наблюдениями над их распадом. В центр астафьевской прозы и публицистики выдвигается диагностика глубокой болезни народа, проявляющейся в социальных, духовных, нравственных, экологических, производственно-трудовых симптомах, и переживание этой беды – до отчаяния, до боли. Государство «развитого социализма» встает перед моими глазами в рассказе «Слепой рыбак» в облике постепенно вымирающего вологодского села с угрюмым названием Мурыжиха, куда «трактором, по крышу кабины залепленным грязью, в грязных мешках привозили серый хлеб, который, будучи горячим, рассыпался вроде блокадного, <...> вспученные баночки “завтрака туриста” со сгнившей в них килькой, которым уже не раз тут люди травились <...> и сверх всего козырный, сладостный товар – бормотуха, да фигурные кокетливые бутылки <...> с не порусски написанной бумажкой: “Россиян водка”»². Яркое описание. Оно свидетельствует о такой притерпелости народа этого глубинного села, о такой повседневной униженности, которая уже и не замечается самими людьми. Оно свидетельствует об утрате последнего самоуважения его жителей.

В рассказе «Слепой рыбак» очень четко прослеживается позиция автора – обличителя и проповедника, в нем громко звучит «крик изболевшейся души» (Василий Быков).

И, что мне кажется важным, в жанровом плане это нисколько не ослабляет позицию Астафьева-художника. Талантливый, яркие его описания: «...ивняк, волчатник, ольховник, черемушник да бузина *отступали* с берегов на когда-то родливые поля, огороды, забрались в сады и *задушили* их, тулились к избам, окружали их и вбирали в себя. Половина Мурыжихи, если не больше, была уже *пленена* вольным, сорным лесом, и лишь в центре села были натоптана тропы...»³ Что хотел сказать пи-

¹ Макаров А. Во глубине России. Пермь, 1969. С. 41.

² Астафьев В. П. Жизнь прожить: Роман, рассказы. М.: Современник, 1986. С. 248.

³ Там же. С. 247.

сатель, оживляя природу, создавая такой образ? Что природа мстит жителям села? За что?

Вопросы, вопросы... А для меня мучительным стал последний вопрос. За что, почему вымирает это богом забытое село?

Из рассказов моих родных, из книг я знаю, что формирование русской деревни происходило веками.

В двадцатом столетии сотни тысяч крестьянских семей были «с корнями» вырваны со своих мест и рассеяны в различные уголки нашей страны.

Во время коллективизации всех стали «загонять» в колхозы. Борьба с кулаками обернулась истреблением крестьянства. Голод, волнения, бегство из деревни. Виктор Петрович Астафьев в рассказе «Слепой рыбак» пишет: «Люди, уезжая, бросали дома и вместе с ними кошек. Те подыхать не хотели, летами промышляли в лесу, к зиме забирались к старухам в дома...»⁴ То есть люди уезжали в никуда, не в новые дома, раз не брали домашних любимцев с собой. Вспомним, что по русским обычаям в новый дом первой заходит кошка.

Повсеместной практикой было закрытие церквей. Астафьев приводит диалог Адольфовны с курящей старухой. « – Да уж побегала ты с факелочком! – Выплюнув сигарку в грязь, она еще громче и решительней продолжала: – Долой церкву, опиум для народа! Давай клуб! Бога нет, царя не надо, мы на кочке проживем! И остались вот на кочке жить...»⁵

Великая Отечественная война – трагическое испытание для всех, а для села особенно. После войны в селе почти не осталось сильных здоровых мужиков, лишь инвалиды, старики, дети и женщины. «У дома на излучке ...сохранились ворота, по тесанному столбу ворот, будто подвешенные, ржавели звездочки. Пять штук. Верхняя, большая – хозяин, голова дома, остальные четыре – поменьше, никто не вернулся с войны в этот дом, на это подворье – ни отец, ни сыновья»⁶. Пятерых оплакала хозяйка этого дома Адольфовна, бывшая когда-то первой певуньей и артисткой на селе.

После войны резче выявились различия в жизни города и села. Молодежь стала уезжать из села в город, кто учиться,

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Там же. С. 262.

⁶ Там же. С. 249.

кто за «длинным рублем». И будущего не стало у села. Так, я думаю, было и с Мурыжихой.

В 70-х годах было объявлено о реформе в сельском хозяйстве, на его развитие были выделены огромные средства, которые использовались крайне неэффективно. Часть их расходовалась на строительство гигантских комплексов, на непродуманную мелиорацию и химизацию почвы. Были введены стабильные денежные оклады в колхозах. И потянулся народ в разоренные уже колхозы.

В рассказе «Слепой рыбак» есть такой эпизод: «Парни остановились покурить и охотно пояснили, что гонят молодой скот на откорм <...>, на заброшенные пастбища, пустующие луга, покосы, и, если первый опыт по откорму удастся и снизится стоимость килограмма мяса, тогда отремонтируют дороги, жилье, может, даже построят комплекс на тысячу голов, откроют постоянный магазин и даже клуб, пахать снова начнут, сеять рожь, овес, ячмень, чтоб не завозить корма скоту»⁷. Похвально, не правда ли? Да только с чем эта городская молодежь идет в деревню? С помутненным от злобы разумом.

Я ощущала почти физическую боль, читая другой эпизод: «Парни на лошадях с молодой, дикарской безжалостностью секли в кровь бессловесную скотину, как секли пленных иноземцев – русичей раскосые воины, налетевшие в уремье из пыльных степных земель. Телята и бычки <...> лезли в кусты, в грязь, прячась от кнутов, сбивались в кучу, всплывали друг на дружку, а бестолковую скотину лаяли, лупцевали, налетая конями на грязную кучу копошащегося, задохшегося, хрипящего стада. Особенно свирепствовал старший, видать, среди пастухов <...> У него в ременный кнут была вделана маленькая гайка, и он уже выбил глаз беленькому, покорному теленку...»⁸.

Всегда в человеке переплеталось святость и дикость, доброты и озверение, только смотря в каком соотношении. И великий вопрос: «Что с нами происходит?» – очень остро встал в астафьевском рассказе «Слепой рыбак». «Что с нами стало?! Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в темную, беспробудную яму?». Видимо, проис-

⁷ Там же. С. 261.

⁸ Там же. С. 260.

ходит коренной излом в самой природе человека XX – начала XXI столетия, меняется соотношение, убывает нравственный запас, доставшийся нам от дедов и прадедов.

А еще возникла такая мысль. Почему Виктор Астафьев, следуя Некрасовскому «...Горелово, Неелово, Неурожайка тож...», назвал многострадальное село Мурыжиха? От слова «мурыжить» – тянуть, мучить... Но почему-то возникают и другие ассоциации с этим названием. «Му» – стоит сытая корова в хлеву; «ры» – ласкается к хозяину собака во дворе; «жи» – просто от слова жить; «ха» – счастливо, весело жить. Не знаю, вкладывал ли автор «Слепый рыбак» двойной смысл в название, но, по-моему, получается, что счастливым человек может быть только в гармонии с природой.

Среди астафьевских характеров в рассказе «Слепой рыбак» весьма примечателен главный герой – Жора, слепой фронтовик. Душа его всегда неспокойна, тоскует и томится. Он открыт людям, радостно услужлив, всегда готов к общению: «В полдень <...> появился человек <...> подал руку дяде Яше, постоял возле него, поговорил о чем-то <...> и бочком пошел по озеру, останавливаясь возле каждого рыбака и непременно протягивая ему руку. Так он дотянул и до меня»⁹.

Несмотря на свое увечье, он продолжает радоваться жизни и любить людей: «...а он, Жора, народ любит, и выходит не столько уж порыбачить, сколько беседу повести, новости узнать, рыбацкой снастью поразжиться...»¹⁰. А это ли не христианская черта?! Наверное, поэтому, Жора не чувствует отверженности в мире. Рыбаки отвечают ему состраданием, добротой, принимают его в свой дружный круг. А с какой любовью, душевным просветлением пишет о нем автор: «Ах, какой это был славный, размягченный, но горем не униженный человек, так похожий на свою родную северную землю обликом и нравом»¹¹.

Виктор Астафьев – один из виднейших русских писателей, который много писал о войне. И в рассказе «Слепой рыбак» в отдельных эпизодах слышно эхо войны, ее отголоски. «Люди <...> умильно слушали пересмешников, приговаривая: «Эко

⁹ Там же. С. 251.

¹⁰ Там же. С. 252.

¹¹ Там же. С. 253.

жених-то расходился! Эко невеста перья-то распустила! Хвостом-то, хвостом-то вертит, ну чисто хомутовская Акулька перед солдатом! Помните, в сорок третьем годе, лес валить солдаты приезжали...»¹²

Я все время удивляюсь, какие точные, убедительные слова находит Астафьев, рисуя портреты героев. Он делает это мастерски. Например: «...У него на одной руке были разъяты кости, будто палками, двигал майор ими, неровно заросшими голым мясом, подернутым красной кожей, пучками и врозь чернушим волосьем, постепенно густеющим, и на здоровом теле звериной шерстью кроющим не только грудь, но плечи и спину»¹³. Я содрогнулась, прочитав это, но почему-то подумала, что иначе – не так реалистично и до садизма зримо – написать о майоре Купоросове, бывшем командире отдельного саперного батальона, было нельзя.

Позволю себе еще цитаты: «Рыбачил майор Купоросов всегда на Святом озере, куда приезжал на инвалидной, громко трещащей и дымно *стреляющей* машине...»; «...сидел отставной майор, неподвижно, уставившись вдаль, поверх озера и людей, глазами налитыми тяжелым страданием, лицо его каменело...»¹⁴

Мне кажется, автор этим описанием хочет сказать, что война оставила глубокий след в душе этого человека, изранив ее столь сильно, что воспоминания мучают, и он до сих пор воюет. Так воюют по ночам во сне в настоящее время наши парни, побывавшие в горячих точках: Афганистане, Чечне, Северной Осетии... И как бы ни относился автор к этому герою, мне его жалко.

Однозначного ответа на вопрос «Кто погасил свет в наших душах?» Виктор Петрович Астафьев в рассказе «Слепой рыбак» не дает, он оставляет за читателем право самому ответить на него. Для меня ответ на этот вопрос таков: человек сам творец своей судьбы, и только он является ответственным за все, что происходит на земле и в его частной жизни, и за наличие света в душе.

¹² Там же. С. 254.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Елена Кузякина,
ученица 11 «а» класса школы № 2 г. Губахи Пермского края
Руководитель – Н. И. РАДЫГИНА

**«ЛЮБОВЬ И ВОЙНА –
ДВЕ НЕРАВНЫЕ ДОЛИ»
В ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА
«ПАСТУХ И ПАСТУШКА»**

Мне нравится читать произведения В. П. Астафьева. С детских лет я знаю «Белогородку», «Васюткино озеро». Позднее прочитала сборник рассказов «Конь с розовой гривой». В старших классах познакомилась с такими произведениями, как «Кража», «Перевал», «Людочка». В них Астафьев ставит вопросы, актуальные в наше время. Из всех прочитанных мною произведений, по мысли Астафьева, явствует: человек перестал вести себя на земле как доброжелательный хозяин, а превратился в агрессивного захватчика, которому безразлично будущее. Я участвовала в предыдущих Астафьевских (малых) чтениях с темой «Экология природы – экология души». Благодаря чтениям, я узнала много о творчестве писателя, прочитала о том, что повесть «Пастух и пастушка» – одно из любимых его произведений. Я отыскала эту повесть и прочла ее на одном дыхании.

Это повесть о жестокой войне, о страшных боях и сильных эмоциональных переживаниях героев. Но даже при такой нелегкой теме в произведении есть яркие краски. Это любовь. Любовь ко всему земному.

Вот я и попыталась проследить, как любовь помогала людям выстоять на войне, выжить в тех тяжелых условиях и сохранить чистую человеческую душу. Поразмышляла я и о том, какой след оставила Великая Отечественная война в моей семье.

Повесть «Пастух и пастушка» – это органическое произведение, в котором присутствует любовь, окольцованная войной.

Вот только непроизвольно возникает вопрос, что может победить: любовь – войну или война – любовь? Можно ли провести параллель между возвышенным чувством и картинами смерти, крови, разорения всего живого? Две ли это равные доли?

Повесть «Пастух и пастушка» у В. Астафьева имеет подзаголовок – «современная пастораль». «Пастораль – старинный

жанр литературы XIII–XIV веков, для него характерно идиллическое изображение пастухов и пастушек на лоне природы»¹.

Писатель действительно воспел чистоту и верность чувств, но на каком фоне? Вместо мирных пасторальных пейзажей – кровавый фронтовой быт. Любовь далека от красивой сказки, а конец любви трагичен. Недаром Астафьев рядом со словом «пастораль» поставил слово «современная». Я думаю, что писатель тем самым подчеркнул жестокую определенность времени, безжалостность людей.

Повесть состоит из четырех частей: «Бой», «Свидание», «Прощание», «Успение». Каждая часть имеет свой эпиграф. Так, еще не прочитав главы, можно догадаться, о чем пойдет речь.

Думаю, это произведение и в XXI веке остается актуальным. Ведь сейчас люди не могут быть уверенными в том, что война больше не повторится. Жизнь с каждым днем становится трудней и жестче. А люди, к сожалению, – черствей.

В повести «Пастух и пастушка» В. П. Астафьев погружает нас в атмосферу войны, насыщенной болью, ожесточением, страданием, кровью. Уже на первых страницах повести война показана не с «птичьего полета» и не в глобальном своем масштабе, а такой, какой она предстает перед конкретными людьми в конкретных обстоятельствах.

Ужасные картины не заставляют сомневаться в том, что война является величайшим злом для земли и человека. «Всюду воронки, комья земли, раскиданные взрывами. Даже на крыши набросана земля. Плетни свалены, хаты и сараи разворочены танками, побиты снарядами. По огородам, возле сгоревших хат неприютная, какая-то нищенски-голая, вытаяла земля, и на ней редко, будто в старом мертвом рту, зубами торчали тупые кочержки»².

Природа в произведении Астафьева так искалечена войной, что ее естественный ритм безнадежно нарушен, изуродован, надорван. Писатель показал, что война идет не только среди людей, а на всей земле, это вселенская трагедия, но творимая не стихией, а человеческими руками.

¹ Стрелкова И. И. В жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. М.: Русское слово, 2005. С. 28.

² Астафьев В. П. Где-то гремит война. Пастух и пастушка. М.: Современник, 1975. С. 395–396.

Читая книгу, я слышала, как «шевелилась земля вместе со снегом», «выли мины», «тявкала полковая пушчонка», «ахала граната и скрежетали гусеницы, дергались в судорогах», «булькал батальонный пулемет». Я видела, как «пучком всплеснулись ракеты», «катился клубок огня», «качнулись окопы, как только хокнул огнем снаряд», как танк, «рыча мотором, брякая железом, <...> навис грузной тушей над траншеей, над комочками людей», как «перемалывали мерзлую землю гусеницы», «выплескивались <...> разноцветные ракеты».

И вместе с автором задавала себе вопрос: «Да что же это такое?!»

Писателю удалось показать ужас военных действий так, что я действительно слышала и видела все это. Мне кажется, благодаря эмоциональному языку автора, повесть получилось такой яркой и незабываемой.

Очень сильно написана Астафьевым сцена, когда у разбитого хутора в толпу греющихся у огня пленных врывается солдат в маскхалате с автоматом и расстреливает немцев очередями, крича: «Маришку сожгли-и-и! Селян всех...всех загнали в церковь. Всех сожгли-и-и! Мамку! Крестную! Всех!...»³

И невольно вздрагиваешь, чувствуешь эту боль, понимаешь ее. Осколком мины, с которой бросается Мохнаков под танк, ранило Бориса Костяева – героя повести. Он так устал от войны, что не смог оправиться от раны и умер. Борису война подарила любовь и тут же отняла. И ничего невозможно было поправить и вернуть.

Любовь неисчерпаема. Каждый человек на протяжении жизни нуждается в ней, ждет ее. Жадность, страх, горе – ничто не может победить любовь!

В повести «Пастух и пастушка» прямо в военном аду, вопреки всему, появляются яркие краски – любовь! Это великая, единственная любовь, которая дается далеко не каждому. Автору удалось совместить возвышенную романтику с грубым реализмом войны.

Борис Костяев защищал Родину, боролся за ее освобождение, за счастливую и спокойную жизнь народа. Но подсознательно чувствовал необходимость искренней женской любви. Не каждому дано полюбить по-настоящему, но к Борису это чувство пришло. Он заслужил его. Но он не смог привыкнуть к крови, смерти и насилию. Рана его не была смертельна – смертельно ранена душа.

³ Там же. С. 441.

Любовь Бориса и Люси возникла совершенно неожиданно, с первого взгляда. У меня не появилось сомнений в возможности возникновения такой молниеносной любви на войне. Но любовь и война – две разные доли...

Трудно не заметить, как относятся русские солдаты к родной земле, где родились и росли. Любовь к Родине звучит в словах Бориса Костяева, обращенных к фашистам: «Зачем пришли сюда? ...Зачем? Это наша земля! Это наша родина! Где ваша?»⁴. Читая эти строки, я поражалась их искренности.

Пасторальный мотив в повести преобразован в символ. И еще одна картина войны подчеркивает его. Заявленный в названии, он вызывал у меня ожидание. В освобожденном от врага хуторе Борис и солдаты его взвода видят двух убитых стариков, приехавших когда-то в деревню из Поволжья в голодный год. Пастух и пастушка – они лежат рядом, упокоенные навек...

Трижды возникающая в повести пара, кроме значения вечной любви, побеждающей смерть, имеет значение и для индивидуальной характеристики героя. Этих убитых стариков вспоминает Борис и в единственную ночь любви, ему выпавшую, и перед смертью.

В прологе повести говорится о женщине, принесшей цветы на забытую могилу солдата посреди России. Это обобщенный образ, и читатель в этой женщине может увидеть любую женщину-солдатку, вдову. Я в этом образе вижу Люсю, сохранившую любовь, точнее память о ней.

Когда я перевернула последнюю страницу повести, то поняла, что проза Астафьева и есть исполнение любви и верности. Но любовь и война – две неравные доли.

И я задумалась о том, что война – это огромная душевная рана. Война – это страдание матерей, миллионы погибших солдат, ужасное количество сирот и семей без отцов, искалеченные и изломанные жизни.

О войне я знаю не только из книг, но и по рассказам бабушки. Моя семья дружная, родные всегда придут на помощь друг другу, если кому-то тяжело. Мой дедушка умер, когда я была маленькой. Поэтому о его жизни мне известно не много. А вот бабушка мне много успела рассказать про себя, про свое детство и про тяжелый период в ее жизни – Великую Отечественную войну.

⁴ Там же. С. 450.

Юность дедушки пришлась на военные годы. В 40-х его направили в город Губаху, он работал на Коксохимическом заводе. Дедушка награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Моя бабушка маленьким ребенком осталась без родителей. Она жила в Сталинграде, когда началась война. Ей пришлось увидеть весь ужас военного времени.

Она помнит, как город трое суток бомбили. Затем наступила тишина. В городе стали появляться машины с советскими солдатами. Дети находились в убежищах. Пришел военный и зачитал приказ об эвакуации из Сталинграда. 1 сентября они переправлялись через Волгу на плотках. На берегу реки все было разрушено, кругом воронки и трупы людей. Переплыв Волгу, дети 50 километров добирались пешком до эвакуационного пункта. Там им дали направление на Урал, в Молотовскую область, в город Губаху.

Дедушка с бабушкой познакомились в 1945 году, когда оба работали на Коксохимическом заводе. И сразу родилась настоящая любовь!

Дедушка с бабушкой покинули нас, но семья продолжается в их детях, внуках и правнуках.

В нашей семье о годах Великой Отечественной войны никогда не забудут. Чем больше проходит лет, тем живей и значительней встают они в нашей памяти. Пусть мои дедушка и бабушка не были на фронте, но они прошли по той страшной войне. И я считаю, что это были великие дни, а они были великими людьми.

Алексей Поздеев,

ученик школы № 2 г. Губахи Пермского края
Руководитель – Н. Е. ЕРМАКОВА

УРОКИ ДОБРОТЫ БАБУШКИ КАТЕРИНЫ ПЕТРОВНЫ

**(По рассказам из книги В. П. Астафьева
«Последний поклон»)**

Что делать, чтобы люди были добрыми, совестливыми, чуткими к чужому горю? Ответ на этот вопрос я нашел в сборнике рассказов «Последний поклон», где В. П. Астафьев с огромной

любовью говорит о своих маме, бабушке, деде, о том, какую огромную роль они сыграли в его жизни.

В каждом рассказе было чувство благодарности своей бабушке. Прочитав это произведение, я понял, что именно в семье формируется настоящий человек.

Дедушка – Илья Евграфович – русский крестьянин, спокойный, ответственный, учил внука и жизни, и делу, любил его, защищал от бабушкиного гнева. Главнее всех в семье была бабушка – Катерина Петровна, она заменила мальчику родителей, дав ему столько любви и домашнего тепла, что хватило потом этой любви на всю дальнейшую сиротскую жизнь.

Читая страницы детства В. Астафьева, понимаешь, как окружение мальчика накладывает на него свой отпечаток, формирует, лепит его характер. И прежде других, конечно, бабушка – самый яркий у Астафьева образ русской женщины. Это она учит жизни, это она отвечает на все вопросы существа, в жизнь только вступающего (Почему на небе звезды? Почему вода течет в реке? Почему ветер? Что завтра? Что через год? Что после смерти?). Отвечает мудро, точно, уверенно и не двусмысленно, поскольку по-крестьянски непререкаемо знает не только о смене времен года, жизни старой на молодую жизнь, но понимает и смысл этих перемен. Тут – рациональное зерно истинно народного характера.

Живой любовью согретый и любовью одаривающий образ бабушки Катерины Петровны проходит через всю книгу В. Астафьева. И при всей любви автора к этому образу нет в нем ни слащавости, ни умиленности.

Перед читателем встает правдивый портрет старой деревенской женщины, смело, решительно ведущей большое и не очень складное семейство через житейские передраги. Память писателя и его воображение вызвали к жизни и внешний облик, и отчетливо звучащий голос бабушки – то ласковый, то бранчливый, то песенный.

Памятью о бабушке, любовью к ней, желанием загладить перед ней невольную вину были вызваны главы «Последнего поклона». Автор так объясняет главный смысл своей книги: «И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет.

И некому прощать...

Бабушка, бабушка! Виноватый перед тобой, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям. Нет у меня таких слов, которые передали бы всю мою любовь к тебе!

Согревает меня лишь одна надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыщут тебя, и будет твоя жизнь беспрельюдной и вечна, как вечна сама человеческая доброта»¹.

Детство и юность Астафьева – из самых тяжких. Вдоволь было и голода, и холода, и сиротливо прожитых годов, и фронтовых мытарств, душевных и самых что ни на есть физических ран и шрамов.

«Рассказы о детстве составляют единую книгу «Последний поклон» – заветную книгу автора»², – пишет критик А. П. Ланщиков.

Как все деревенские мальчишки, автор рассказа «Конь с розовой гривой» мечтал о прянике в виде коня. «Он белый-белый этот конь, а грива у него розовая...». И настал момент осуществления этой мечты – надо было только собрать туесок земляники, чтобы, продав ягоды на базаре, купить пряник. Но нелепая ссора с левонтьевскими ребятами привела к размолвке Витьки с бабушкой, толкнула его на обман. И герой рассказа боится бабушку.

Стыд охватил Витьку, когда он услышал, как бабушка рассказывает односельчанам, в какую нелепую ситуацию она попала на рынке, предлагая туесок с земляникой: «Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что она говорила дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы помереть скорее». И, уже не надеясь на прощение, он слышит слова бабушки: «Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато еще когда обманешь бабушку...»³

И, открыв глаза, он видит, как на огромной земле, на розовых копытцах скачет белый конь с розовой гривой.

Мир вечен, пока есть память о бабушке Катерине Петровне.

Затесь «Всеизящая» написана 3 апреля 2000 года, в последний год жизни В. А. Астафьева. Может, это и был последний поклон бабушке Катерине Петровне, образ которой писатель создавал на протяжении всей своей творческой жизни.

¹ Астафьев В. П. Последний поклон. М., 1983. С. 73.

² Ланщиков А. П. Виктор Астафьев. М., 1992. С. 35.

³ Астафьев В. П. Указ. соч. С. 113.

Автор говорит об истинной, стойкой вере в Бога бабушки и о нежелании внука следовать ей. Внук не любит «докучливого и канительного дела с молебствиями» и начинает придумывать разные уловки и развлечения. Хотя он и выполняет то, что требует от него бабушка: кладет кресты, бормочет молитвы, бухается лбом об пол – но все это ему быстро надоедает. Внук начинает фокусничать: зеваает, передразнивает бабушку, разные штучки за ее спиной выделяет. Все эти его проделки не оставались незамеченными. И только став взрослым, рассказчик понял, что угодник Николай был под стеклом, в стекле-то и отражался внук-богохульник.

С восьми лет бабушка заменила Вите мать. Катерина Петровна не только безмерно любила и жалела своего внука-сироту, но и учила его жизни: учила держать данное слово, быть честным, терпеливым, добрым.

Как о городском прянике, так и о новых штанах мечтал Витя. Но если за пряник ему надо было собрать туесок земляники на продажу, то за штаны велено перебирать картошку. Мечта о новых штанах заставляет Витю перебороть страх и трудиться в подвале. Правда, на какой-то миг мелькнула у него мысль прикинуться больным. «А штаны? Кто и за что купит мне штаны? Штаны с карманом, новые и уже без лямок, и даже с ремешком!»

А когда бабушка заболела, Витя обнаружил, как много людей приходят пожалеть ее. «Хотя и смутно, я почувствовал, что бабушка моя, казавшаяся мне всегда обыкновенной бабушкой, – очень уважаемый на селе человек, а вот я не слушался ее, ссорился с нею, и запоздалое чувство раскаянья распирало меня».

Вите жалко бабушку, которая с трудом поднимала руки, вставая с постели, хрипло дышала, которая переживала из-за нестихших штанов. С волнением и радостью за Витьку читаешь строки, где описывается его душевное состояние. «Я никогда не забуду того счастливого утра, в которое проснулся с ощущением праздничной радости. На спинке кровати висели новые синие штаны, на них стираная беленькая рубашка в полоску»⁴. Но счастье Витьки было недолгим, так как коварный и завистливый Санька воспользовался его доверчивостью и заманил Витю в трясину. И снова бабушка приходит Вите на по-

⁴ Там же. С. 116.

мощь, а потом не спит ночей и выхаживает его. Бабушка считает, что она счастливо прожила жизнь и внука научила находить радость в жизни. «Хорошо-то как! Ястреб купается. Дед на каменном бычке стоит. Каждая мошка, блошка заняты делом. Огурцы скоро нальются. Ягоды вот-вот пойдут, грибы. Можно жить на этом свете! И шут с ними, со штанами и с сапогами тоже. Наживу еще. Заработаю»⁵.

Бабушка семейным укладом, собственным примером воспитывает Витю, желая видеть его достойным человеком. А улица преподает ему другие уроки, часто жестокие. Витя доверчивый, азартный. Этим и пользуется Ванька Левонтьевский, вовлекая Витю в неприятные истории: заманивает в трясины, заставляет красть калачи у Катерины Петровны, предлагает туюсок с земляничкой заполнить травой.

Я считаю, что причина того, что мальчики очень разные, кроется в семейном воспитании. По словарю С. Ожегова, семья – это группа живущих вместе родственников. Но жить можно по-разному: в понимании и согласии или ссорах и неуважении друг к другу.

На одной из читательских конференций в библиотеке села Овсянка у Астафьева спросили: «Судьбе какого человека вы могли бы позавидовать?» Писатель ответил, что завидует своему деду. «Дед очень много работал всю жизнь. Работать умел красиво, с удовольствием. Вырастил тринадцать детей. Умел радоваться хорошему урожаю, еще одному сыну, удаче соседа на рыбалке. Сейчас люди не умеют так радоваться самой жизни, как умел это дед».

Можно сравнить семейный уклад семьи бабушки Катерины Петровны и семьи Левонтия.

Семья Катерины Петровны жила небогато, но крепко. Дом Левонтия смотрел на свет кое-как застекленными окнами. В семье бабушки всегда чистота, порядок в доме. Левонтий бил остатки стекол в окнах, ругался, гремел, плакал... Один раз в 10–15 дней, когда Левонтий получал деньги, начинался пир горой, дом охватывала какая-то беспокойность, лихорадка. У бабушки Катерины Петровны всегда был запас на черный день. Заполошная, чумовая, безголовая Васенья вечно занимала деньги, муку, картошку.

⁵ Там же. С. 117

Дед Вити напоминал богатыря российского, во время похода сделавшего передышку, – остановился посмотреть родную землю, подышать ее целительным воздухом. Дядя Левонтий выходил на улицу в штанах, державшихся на одной пуговице, и в рубаше без всех пуговиц. Такие разные портреты.

Именно любовь и доброта в доме Катерины Петровны защищали Астафьева от всех невзгод, жизненных ненастий. В семье бабушки и деда он научился почитать старших, хранить семейные традиции, трудиться на благо себе и людям.

Если такие дары ребенок получает, то в жизнь он входит сильным. И весь жизненный путь В. Астафьева – подтверждение тому.

Писатель всегда помнил о своих корнях, с благодарностью и любовью относился к своим родным. Его всегда тянуло на родину, в дом, где прошло его детство.

Виктор Астафьев надеялся быть понятым, когда заключал книгу «Последний поклон» словами горестного покаяния: «Я хотел протестовать, но она как-то мудро и необидно погладила меня по голове – и не стало надобности говорить пустые утешительные слова.

– Устала я, батюшко. Вся устала. Восемьдесят шестой годок... работы сделала – иной артели впору. Тебя все ждала, а жданье крепит. Теперь уж пора. Ты уж, батюшко, приедь похоронить-то меня...закрой глазоньки.

По разным причинам, уважительным и не совсем уважительным, мы иногда забываем исполнить последнюю волю именно тех, перед кем в самом большом долгу. Потом находятся самые разные оправдания, но утешения они почему-то не приносят. Так или иначе, но и тут просьба самого близкого и дорого человека осталась неуваженной. И вот теперь запоздало льются вот такие слова: «И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет...»⁶.

Астафьев и на Урале пожил, и в Вологде, а потом все-таки перебрался в Сибирь. В родной своей Овсянке он поставил дом против бабушкиной избы, чтобы уже никогда не оставлять милую землю детства.

⁶ Там же. С. 195.

Юлия Филиппова,
студентка факультета культурологии Пермского государственного
института искусства и культуры г. Перми
Руководитель – Н. И. РАДЫГИНА

ПОТЕРЯННОЕ ДЕТСТВО В ПОВЕСТИ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА «КРАЖА»

...Я буду совершенно счастлив, когда прочту в газетах, что там-то и там-то закрыта тюрьма – не стало преступников; закрыта больница – уменьшилось число больных; закрыт еще один детдом – исчезли сироты...

В. П. Астафьев

Бездомные дети – одна из самых трудных наших проблем. К сожалению, ни в одном современном произведении этот вопрос не поднимается с такой художественной силой, как в повести В. Астафьева «Кража».

В. П. Астафьев – выдающийся художник, он упорно и настойчиво шел своим путем, кропотливо исследуя характер человека своего поколения. И это исследование увело его сначала в собственное детство, к истокам собственной жизни. В 1961 году он начал работать над повестью «Кража». Опубликована повесть была только в 1966 году.

Читая повесть, мы попадаем, как на другую планету, в строящийся на севере порт Краесветск, в детдом, где обитают осиротевшие дети.

Автор описывает три кражи, случившиеся там. Первая – кража денег у кассирши – совершена со злостью, это кража-месть. Вторая, совершенная во время заготовки дров, была попыткой заработать и вернуть потраченные деньги в милицию, она показывает благородство и бессилие ребят в решении проблемы, ими самими созданной. Третья – кража денег в универсаме – заставила детдомовцев мучиться стыдом, спасающим их души. И совершена она ради того, чтобы освободить невиновную кассиршу.

Начинается повесть с описания смерти воспитанника детдома – Гошки Воробьева. Толя Мазов, главный герой повести, не дружил с ним, но в финале произведения, когда Толя одер-

жит нравственную победу, ноги сами приведут его к Гошкиной могиле.

Толя Мазов поймет, что «покая ему никогда не будет, он уже не изменит ни себе, ни людям, потому что произойдет победа – появление гражданина. Но об этом мы задумаемся только тогда, когда прочитаем повесть.

Неразделимы в повести картины жизни Краесветска и личных историй каждого из сирот. Отец Толи Мазова был выслан как подкулачник, мы даже не знаем, куда, а Толя очутился в Краесветске с семьей высланного прадеда. Старик Яков, чуть не сотню лет назад мосластым подростком пришедший «самоходом» вместе с переселенцами в Сибирь, умер. Он тратил последние силы на то, чтобы сберечь внука – не хотел, чтобы род его с земли исчез.

Среди детдомовцев есть парнишка Малышок. На его глазах отец зарубил мать, и с тех пор лицо мальчика искривило припадочной судорогой и поселилась на нем вечная улыбка. Ребята бездумно кличут Малышка Косоротиком.

Вот Зина Кондакова. Это с ней в глухой деревушке случилось такое, что взрослому человеку не по силам вынести. Вот Паралитик, который даже не знает, когда и где умерли его родители. Его избили за украденную краюшку хлеба так, что у мальчишки отнялись левая нога и левая рука. Осталось полчеловека да на пятерых злобы.

Воспитанники детского дома – жертвы жестокого времени. Все они хорошо знакомы со злом и даже не подозревают о наличии добра. У них свои законы, свои понятия о чести. Казалось бы, каждый может освободиться от «нравственных обязанностей» и спрятаться за спину коллектива. Но не все так просто в повести Астафьева.

Детдомовцы по традиции после бани затевали драки с «городскими». Но однажды драка не состоялась, и произошло событие, перевернувшее всю жизнь детского дома. Группа Паралитика очистила в бане кассу, похитив 800 рублей. Нагрянула милиция, начались обыски в комнатах, но деньги не нашлись. Арестовали кассиршу, так как она вовремя не сдала выручку. У кассирши двое детей, и теперь они должны пополнить ряды детдомовцев. Вот из-за них заварилась вся каша. Для Валерия Ивановича эти дети – не просто «две единицы». Его воспитанники украли не только деньги у кассирши, они «украли» детство у двоих детей. Попытки заведующего детдома найти день-

ги и освободить из-под ареста мать не увенчались успехом. Тогда заведующий детдомом вызывает к себе Толю Мазова и поручает ему взять шефство над новичками.

Толя присматривает за своими подопечными, но не они доставляют ему муки и терзания. Толя понимает, что судьба была к нему несправедлива, как и к остальным его однокашникам, но можно ли эту несправедливость возводить во всеобщий закон? Все детдомовцы не любили «городских», потому что у тех были отцы, матери, дом... А у них один дом на всех. Как это кричал Борька Клинка-голова? «Мы люди брошенные! Мы люди безродные! Жаловаться нам некому... В школе на нас жмут. В кинуху не появляйся... Нигде нам ходу нет! Воры! Шпана! Такое наше званье!»¹.

Толя Мазов принимает не простое решение. При этом он знает: или вот эти двое останутся сиротами, или он сам может завтра же отправиться туда, где обрел вечный покой Гошка Воробьев. Те, против кого он решил выступить, умеют мстить непокорным.

Толя Мазов идет на сознательную кровавую драку с главарями воровской компании, после которой внешне он скорее выглядит побежденным, нежели победителем. Но, странное дело: те, которые были свидетелями его избиения, вдруг потянулись к нему. Отныне нравственный авторитет Толи Мазова стал в детдоме главной притягательной силой.

Однако для Толи сказки с хорошим концом не получилось. Деньги в конце концов нашлись. Кассиршу выпустили, и она пришла в детдом за своими детьми. И тут Толя пережил такое, чему и названия-то нет. Слово «несправедливость» не кажется достаточным. Возможно, в глубине души Толя и мечтал о каком-то слове благодарности, хотя избалован ею и не был. И Наташка (одна из его подопечных) его отблагодарила: она бросилась к нему и первому сообщила ему о своей радости – мама берет их домой. Но вот эта мама – взрослая и многое понимающая женщина – сорвала с девочки бант и бросила его к ногам ребят, потом «она пятилась к двери и кричала отрывисто, словно с оттяжкой, наотмашь хлестала по лицам:

– Шакалы! Шпана! Воры! Сволочьё!...

Дверь взвизгнула. Пудовая гиря подскочила вверх, бухнула в ободверину, скрипуче повторила: «Сволочьё!» – и закачалась на проволоке»².

¹ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 2. С. 291.

² Там же. С. 475.

Нет, Толя не озлобился, он растерялся, он готов был накричать на подошедшего Валериана Ивановича, однако не накричал, потому как по-прежнему оставался восприимчив к добру, к искреннему участию. В данный момент ему нужна была поддержка, и он ее нашел у заведующего детдомом.

Участие и забота Валериана Ивановича, Зины Кондаковой, тети Ули и одноклассников Толи помогают нам понять, что справедливы слова Валериана Ивановича: «Ребятные горе отчетливо, крылато».

Внимательное прочтение повести убеждает, что нравственный рост героя находится в прямой зависимости от той атмосферы, какая окружает его в детдоме и в городе, от людей, которые населяют.

В характере Толи Мазова есть добрые задатки, заложенные еще в крестьянском детстве. Но увяли бы и засохли эти задатки, не будь в воздухе города чего-то такого, что побуждало людей меняться и утверждать свое человеческое достоинство.

Сцены жизни детдома выписаны реалистически ярко. Пишет о детдомовцах Астафьев с чувством сострадания. И Гошка Воробьев, и заводила всяких пакостей Паралитик, и предпочитающий держаться в тени главарь Деменков, и хитроватый Попик, и вездесущая Маруся Черепанова, и чудесная Зина с ее ранней недетской трагедией – лица оригинальные и самобытные.

Прав ли был заведующий детским домом Репнин, отказывая отыскавшемуся отцу Толи в переписке с сыном? Он ведь и сам сомневается в своей правоте, желая одного, «чтоб мальчишка этот, его воспитанник и судья, вышел в свет с кристальной биографией». И понимает, что рассудить их может только жизнь, и только годы и время покажут, прав он был или совершил ошибку. И разве так неумело и виновато стал бы оправдываться настоящий педагог перед мальчишкой, до которого дошел слух, что их заведующий был «беляком», а уже какие представления о белых офицерах могли быть у тогдашнего подростка, кому неизвестно?! И, зная о краже, Репнин предоставляет самому Толе разбираться в содеянном.

В своих отношениях с воспитанниками директор детдома руководствуется не правилами, а сердцем, и все же в его поведении есть своя логика, свой принцип. Принцип, который чуть ранее за тысячи верст от Репнина сформулирует Януш Корчак, писавший: «Уважайте текущий час и сегодняшний день. Как ребенок будет жить завтра, если мы не даем жить сегодня со-

знательной, ответственной жизнью? Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится... Отрекаться во имя завтра? Мы всегда расписываем его слишком яркими красками. Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного места фундаменту здания».

Я не думаю, что название повести следует относить лишь к истории украденных детдомовцами денег. Оно шире, в повести идет речь о ребятах с потерянным детством. Ребята крадут деньги вовсе не случайно. Потрясение, вызванное смертью товарища, неминуемо должно было вызвать взрыв, чтобы разрядить напряжение. Нет необходимости подробно пересказывать развитие событий, то, как при виде приведенных в детдом детей кассирши в Толе Мазове заговорила совесть, как мальчишескими средствами он исправлял нанесенное зло.

А суть в проницательном анализе характера героя повести и подобных ему подростков, называющихся с полным основанием трудными. Рисуя критический момент в жизни героя, писатель умеет показать многообразие его интересов, мыслей, переживаний, которые в этом переходном возрасте переполняют ум и сердце так, что кажется: вот-вот не хватит дыхания и разорвет тебя на куски от избытка непонятных, тревожащих, сладостных и раздражающих чувств.

Основная мысль повести в том, что пробуждение совести, чувства личной ответственности – это и есть момент зарождения человека в человеке, мужчины в подростке. Эта мысль обнажена самим автором. Близкие друзья Толи «вдруг почувствовали превосходство над собой этого парнишки, Тольки Мазова, вчера еще дуревшего и игравшего вместе с ними, а сегодня ровно бы отделившегося от них силой какой-то или той ответственностью, которую он взвалил на себя. Вот так, наверно, и рождается командир»³.

« – Жизнь наступает с той поры, когда человек начинает задумываться над поступками и отвечать за них», – говорит Толя Репнин. Но если с этого наступает жизнь, то с боли за другого человека, с заботы о нем начинается человек, – говорит своей повестью Виктор Астафьев, раскрывая в ней новый важный момент в становлении характера юного героя. Часто ли мы задумываемся над тем, сколь необходимо своевременно пробудить в подростке чувство личной ответственности, заботы

³ Там же. С. 339.

и боли за другого человека? А ведь именно от этого зависит, каким впоследствии станет подросток, на этом фундаменте только и могут развиваться чувства гражданина и патриота, чувство ответственности за судьбу общества, Родины, народа.

И не оборвал автор истории с кражей внезапно, а довел ее до полной развязки. Тяжесть и этой развязки, и самого поступка герой ощутил на себе.

В самом конце повести ребята наблюдают северное сияние. «Они не дышали, пораженные загадочностью и могуществом того мира, который им предстояло открыть.

А открывши – жить в нем».

Детство – это самая счастливая и беззаботная пора в жизни человека. И это чистое, ясное детство надо уважать.

Я считаю повесть В. П. Астафьева «Кража» актуальной для нашего времени. В ней речь идет об украденном детстве. Автор назвал повесть «Кража», а я бы хотела назвать ее «Не укради».

Жизнь наступает с той поры, когда человек начинает задумываться над поступками и отвечать за них. России предстоит пройти трудный путь для того, чтобы заповедь «Не укради» стала нравственным законом для каждого.

Татьяна Шургина,

ученица 9 «а» класса школы с. Григорьевского Пермского края
Руководитель – С. А. ДРУЖИНИНА

ЧАСТУШКИ СЕЛА ГРИГОРЬЕВСКОГО КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЖИЗНИ СЕЛА

Фольклор... Почему именно это слово стало синонимом понятия «устное народное творчество»? В переводе с английского языка оно означает «народоведение, народосознание». Познание народа, а значит – самого себя. Недаром тех, кто отрывается от своих корней, народ называет Иванами, не помнящими родства. И получается, что фольклор – основа основ воспитания человека, важная частичка жизни каждого из нас.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к одному из малых жанров русского фольклора, который окончательно сформировался к концу XIX века, – частушке. Это словесно-му-

зыкальная миниатюра, где всегда присутствует живой отклик на текущие события или жизненные ситуации.

Чем ценны для нас произведения устного народного творчества? Обряды, песни, частушки, пословицы – свидетельства жизни народа. По памятникам фольклора мы узнаем о событиях старины, о подробностях хозяйственной и семейной жизни наших предков, о том, как они обрабатывали землю, путешествовали, во что верили, чего боялись.

Фольклор показывает нам, от чего особенно страдал народ, к чему он стремился, чего хотел достигнуть, с чем боролся, что любил, а что ненавидел. Именно в песнях, частушках народ выражал свою боль, гнев и негодование. Народ песнями, частушками откликался на исторические события. И можно увидеть разницу между официальной точкой зрения на события и тем, как народ относился к ним.

Село Григорьевское – моя родина, родина моих родителей. Оно затерялось среди таежных лесов Урала на берегу небольшой речки Сюзьевы. Красивы наши места. Веселый народ живет здесь. Любят работать, любят веселиться, любят петь, а особенно частушки. Это подлинно народное творчество. Частушки – главный жанр крестьянской лирической поэзии в последнее столетие. Мир и взаимоотношения людей в них изображаются с точки зрения деревенского человека, преимущественно молодого, к нему же обращены.

Частушка – это рифмованная песенка, популярная в народе. Они бывают разные: это и лирические попевки, это и любовные страдания, и плясовые припевки, но они всегда злободневны. Слово «частушка» – первоначально одно из названий коротких, «частых» (в отличие от «протяжных», «долгих») песен. Писатель Глеб Успенский в очерке «Новые народные стишки» (1889) впервые дал краткий анализ этого явления в песенной культуре народа. Постепенно слово «частушка» стало общепринятым термином для обозначения коротких (преимущественно четырехстрочных) народных песен (вне зависимости от того, часто или протяжно они поются). На первых же стадиях бытования этих песен в разных местностях их называли по-разному: просто песни, короткие песни, коротушки, припевки, пригудки, прибаски, собирашки, прибрешки и т. д.

Иногда частушки исполняются на определенный мотив: «Подгорна», «Яблочко», «Семеновна». Вначале частушки пели под аккомпанемент балалайки, сейчас же исполняют под аккомпанемент гармошки, баяна.

Когда веселье в разгаре, хочется народу попеть, поплясать, сразу вспоминают частушки, так что их поют и в наши дни.

История XX столетия насыщена бурными политическими событиями, которые глубоко отразились даже в неспешном укладе деревенской жизни. Среди таких событий можно отметить Первую мировую войну, революцию 1917 года, Великую Отечественную войну и последовавшие за ними изменения в политической и экономической жизни страны. Менялся и весь традиционный уклад жизни. Все это нашло отражение в частушке, которая живо реагировала на все общественные изменения.

Персонажи частушек пахут, боронят и сеют хлеб, косят и жнут, убирают сено и молотят, ловят рыбу, строят избы и мосты, рубят лес, ездят по дрова, на мельницу, в гости в другую деревню. Город – нечто внешнее по отношению к жизни героев частушки: туда они ездят на базар, на заработки. Частушки не обременены описанием природы, хозяйственной и бытовой обстановки. Однако детали природы и деревенской жизни, вовлеченные в человеческие судьбы и в связи с этим освещенные особым поэтическим светом, воссоздают яркую картину, на фоне которой поют и плачут, радуются и страдают песенные персонажи.

Окончилась Отечественная война, но жизнь не стала радостной и хорошей: кругом разруха, голод. Материальный ущерб, понесенный Советским Союзом в результате Великой Отечественной войны, был огромен. Полному или частичному разрушению подверглись 1700 городов, 70 тыс. сел и деревень. Но страшнее всего были людские потери. В 1946 году и без того тяжелое положение усугубилось засухой и неурожаем.

Тяжело жилось и моим односельчанам в годы войны, они работали не покладая рук.

Я по карточке жила
Четыре годочка,
Ненаглядного ждала
Своего дружочка.

Миллионы фронтовиков вернулись с войны инвалидами, неспособными к тяжелому труду. Хозяйство было разрушено и, несмотря на демобилизацию из армии миллионов людей, испытывало колоссальную нехватку рабочих рук.

Говорят, что не гуляю,
Удивительного нет:
У нас всего четыре парня
На целый сельсовет.

После войны мужчин было немного, не каждой девушке улыбнулось женское счастье.

Полюбила лейтенанта,
А навстречу шел майор.
Загляделась на майора,
Лейтенанта кто-то спер.

Я надену платье бело,
Вышитые рукава.
Неужели я не буду
Трактористова жена?

Все ответственные посты в деревне занимали немногочисленные мужчины, а тяжелая работа доставалась женщинам.

Наш колхоз «Восьмое Марта»
Уважает женский труд:
Бабы сеют, бабы пашут
Мужики учет ведут.

Бригадир картошку чистит,
Председатель суп варит,
Счетовод сметану мачет,
Кладовщик с куском бежит.

Встань-ка, маменька, пораньше,
Посмотри на зорюшке:
Дочь на тракторе вспахала
Все колхозно полюшко!

По-стахановски работа,
По-стахановски еда,
По-стахановски с ребятами
Гуляли до утра!

От количества труда, вложенного в землю, прямо зависело благосостояние крестьянской семьи. Земля и работа на ней сохраняли поэтому в глазах крестьянина свой изначальный жизненный смысл. Эта любовь к земле и крестьянскому труду, это чувство хозяина принадлежат, без сомнения, к числу самых основных и определяющих черт в социальной психологии деревни.

На рубеже 40–50-х годов звучали частушки о насаждении лесных полос, потом о целине, о кукурузе и, разумеется, постоянно, о колхозной жизни – о жизни после войны, о налогах, которые были обременительны для крестьянства: надо было сдавать и молоко 200–400 литров, и шерсть по несколько килограммов, и мясо 40 кг, и яйца 100 штук, и кожу.

Ты играй, играй, двухрядка,
Ты, гармошка венская!
Буду петь я про порядки
Наши деревенские.

У меня скотины много:
Два цыпленка на дворе.
Одного собака съела,
А другой не знаю где.

Корову держать было невыгодно. Чтобы выполнить норму налога, семья должна сидеть без молока. Козу называли «сталинской коровой». Натуральный налог называли оброком.

Для колхоза купим козу,
Бригадир будет доить.
Председатель захворает,
Молоком будем поить.

За работу в колхозе люди получали трудодни – «палочки» – так называли их в народе. Оплату получали по трудодням зерном, сеном, но не деньгами. Учет велся не всегда хорошо. Это породило такие частушки:

Колхознички –
Канареечки,
Проработали весь год
Без копеечки.

Невозможно было купить ни метра ткани:

Эх, девчоночки, беда,
Я в колхозе роблю.
Неужели, девки, я
На юбку не зароблю?

Или вот еще:

Калина, малина,
Восемь жен у Сталина.
У колхозника одна –
Как собака, голодна.

Дорогая, не пляши,
Не губи сапожки,
На твои-то на шиши
Не обуешь ножки.

Слышится протест народа, недовольство колхозной жизнью:

До чего худа, бледна я,
Посмотрел бы, дорогой,
Скоро белая береза
Поравняется с тобой.

Стала появляться в колхозах новая техника: трактора, комбайны.

Сразу же появляются частушки о том, что девушки влюбляются в трактористов и гармонистов.

Вон, где трактор идет,
Его номер триста,
Никого любить не буду,
Кроме тракториста!

Тракториста любить
Надо приготовиться:
Сначала мыла накупить,
А потом знакомиться.

Трактористы ведь были чумазные, в мазуте, грязи, но в почете у девушек. Гармонист веселил всех, он был украшением на любой вечорке:

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

Гармониста полюбила –
Заругала меня мать.
Не ругай меня, маманя,
Развеселый будет зять!

До сих пор гармонь в народе – любимый инструмент.

Ты, гармошка-матушка,
Лучше хлеба-батюшки.
Хлеб накормит, напоит,
Гармошка душу веселит.

Не обошла частушка и такую важную сторону жизни, как вера, религия. В послевоенное время церковь нашего села была отдана под склад, вера в Бога осуждалась, ношение креста на шее не приветствовалось. Власть постоянно вела антирелигиозную пропаганду. В некоторых частушках звучит тема оправдания перед Богом своего поведения:

Пошла плясать,
Только пол дрожит,
Мое дело молодое,
Меня Бог простит.

В некоторых деревнях и селах Нытвенского района жили старообрядцы. Знакомство со старообрядческими обычаями прослеживается в частушке:

Не кури, милой, куделю,
Я не староверочка.

Попривыкла к табачку
Молоденькая девушка.

Особое положение в жизни деревенской молодежи занима-
ли юноши-военнослужащие – моряки, летчики.

Не любите, девки, море,
А любите моряков.
За веселую улыбку
И за цвет воротничков!

Далеко, далеко,
Далеко в тумане
Ягодиночка моя
Летит на эроплане.

Полюбила лейтенанта,
А сама была в лаптях.
Он запутался в оборках,
Я запуталась в ремнях.

У меня залетка есть,
Он далеко, а не здесь.
Мне за дальнюю залеточку
Не надо здешних шесть.

Через речку две дощечки,
Обе перегнулися,
А григорьевски ребята
На фиг нам загнулися.

Мужской голос отзывается за григорьевских ребят:

Прокричали петухи,
Прокричали курочки.
Не пора ли вам домой,
Григорьевские дурочки?

Мечты о любви, первые робкие признания и встречи, свидания и расставания, сомнения, раздумья, страдания и разочарования влюбленных, мечтания о замужестве или о женитьбе — основная канва, по которой «вышивается» лирика частушек в любое время, счастливое и не очень.

Раскудрявая березка
Ежедневно сочится.
Вот ведь жизнь сейчас настала-
Умирать не хочется.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР

О. Л. ЛЕЙБОВИЧ

Жанна Волкова,

ученица 7 класса школы с. Нижний Лып
Большесосновского района Пермского края
Руководитель – О. Г. ВОЛКОВА

МНЕ ПИСЬМА РАССКАЗАЛИ...

Второй год я с интересом занимаюсь в краеведческом кружке. В нашем школьном музее есть экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краеведы собирают материал об участниках войны и тружениках тыла. Мы обязаны это делать, так как они отстояли свободу и независимость нашей Родины, победив страшного врага. И я хочу внести свою лепту в это очень важное, нужное дело.

В ноябре 2007 года ребята нашего краеведческого кружка вместе с руководителем Т. И. Балдыковой посетили односельчанина В. А. Вятчанина, чтобы расспросить его об исчезнувших деревнях Кожино и Талапаны. Когда разговор зашел о Великой Отечественной войне и судьбе семьи Вятчаниных, хозяин дома вышел в другую комнату и вернулся с маленьким узелком. В самодельной салфетке лежали справки, договор купли-продажи дома, пенсионное удостоверение и уникальные свидетельства – письма с фронта. Эти документы потрясли нас, так как мы, живущие в XXI веке, впервые прикоснулись к настоящим реликвиям. С трепетом и волнением мы развернули пожелтевшие, истершиеся от времени листочки, попытались прочесть написанное.

Мне захотелось прочитать эти письма полностью, узнать судьбу их автора – рядового 139 стрелкового полка Алексея Егоровича Вятчанина 1900 года рождения. Он был призван в армию 30 августа 1941 года Черновским райвоенкоматом

и погиб под Москвой 20 октября 1942 года. Об этом свидетельствует Книга погибших военнослужащих и назначения пенсий их семьям по Черновскому РВК.

У Василия Алексеевича Вятчанина сохранилось три отцовских письма, было же их намного больше.

Первое письмо датировано 27 февраля 1942 г. Оно написано химическим карандашом. Адресат – Татьяна Андриянова Вятчанина (жена солдата, член колхоза им. Буденного Нижнелыпского сельского совета). Но автор письма обращается не только к жене, а и ко всей семье, ко всем родственникам: «здравствуйте вообще все», и всем – «по нискому поклону», пожелание «всего хорошего в делах». Затем автор сообщает, что теперь он находится в городе Молотове, зачислен в действующую армию, и через месяц «придется поехать вышло куда».

Из справки льготах семье военнослужащего от 14 октября 1941 г. мы узнали, что Алексей Егорович Вятчанин был красноармейцем отдельного строительного батальона. Большая часть письма посвящена объяснению, по какому адресу ему писать и где его искать (по словам Василия Алексеевича, перед отправкой на фронт его отец некоторое время находился в Красных казармах, и Татьяна Андрияновна ездила в Молотов к мужу). В письме выражено горячее желание еще раз «повидаться с Анной» – племянницей, дочерью сестры Алексея Егоровича Анисьи, а также с женой. Крестьянин, понимая, что впереди неизвестность, пишет: «пожалуста пускай приедет жонка только скорая».

Второе письмо написано спустя три месяца. На нестандартном нелинованном листе размером 15 на 18 см, будто вырванном из блокнота, обе стороны исписаны химическим карандашом, без обратного адреса. Письмо начинается с приветствия и поклонов всем, с пожеланий всего хорошего в делах. А вот в жизни солдата произошли важные перемены: он из Молотова прибыл в Москву, полтора месяца обучался на зенитчика. Солдат объясняет родственникам, кто такие зенитчики и что такое зенитка. О своем житье-бытье говорит очень скупой: «Живу так себе, попржнему... стоим в лесу в боях еще не были новерное скоро придется». Письмо больше похоже на записку. Об этом говорят и небольшой размер листа, и пропущенное слово «все» во фразе «здравствуйте вообще все», и отсутствие расспросов о жизни семьи. Чувствуется, что солдат спешит успокоить семью, подать весточку о себе, чтобы родные

поменьше беспокоились о нем Заканчивается письмо фразой: «Остаюсь жив здоров того и вам желаю».

Точную дату написания третьего письма разобрать не представляется возможным. Но обращение в письме к сыну Ивану позволяет предположить, что оно написано незадолго до 20 октября 1942 года (дня гибели солдата). Дело в том, что архивные документы Большесосновского РВК (Книга призванных в Советскую Армию) свидетельствуют, что сын А. Е. Вятчанина – Иван Алексеевич был призван в армию 8 июля 1941 года, воевал в 66-й танковой дивизии, демобилизован по ранению в сентябре 1942 года. Сын был уже дома, и отец об этом знал. Третье письмо написано химическим карандашом на вырванном из тетради листе. Из трех писем оно самое ветхое, истрепанное до дыр на сгибах, в нескольких местах строки вообще не читаются.

Начало письма стандартно: дата написания, поклоны и пожелание всего хорошего родным. Далее речь о сыне Шурочке, который, оказывается, начинает забывать отца-фронтовика. А в солдатской жизни опять произошли изменения – теперь их дивизион находится «на огневой точке в поле». «Но писать про себя больше нечево». Рассказ о себе солдат больше не возобновит, лишь в конце письма адрес: 2 дивизион, полевая почтовая станция № 2519.

Основная часть письма содержит вопросы о наболевшем, о том, что интересует человека, вырванного из мирной жизни и почти год находящегося вне дома. Алексей Егорович просит писать «про себя и про хозяйство», а далее спрашивает, как идет жизнь в колхозе, как дела с хлебом, сколько скота в хозяйстве; кто кем служит (скорее всего, односельчане) и задает конкретный вопрос: где находятся свояки Костя и Федор – мужья сестер Татьяны Андрияновны – Анны и Александры.

Затем отец обращается с особым поклоном к своему старшему сыну – фронтовику Ивану, пеняет ему на то, что не пишет отцу, знает «жысь настоящую» солдатскую и не пишет, просит: «напишите хоть одно письмо» и добавляет «живи сам знаш как», «гляди сам как вани тебе лучше».

Фраза «гляди сам как лучше» четыре раза повторяется в письме. Видимо, это очень важный вопрос – отделение сына от семьи, да еще в такое непростое время, но раз сыну хочется жить «врось», отец смиряется («я не протистую»), позволяет Ивану принять решение самому.

Последнее письмо самое объемное, обстоятельное, здесь заботы о семье: о маленьком и взрослом сыновьях, о свояках, о хлебе и скоте, о делах в колхозе. О себе – почти ничего.

Солдат испытывает неуверенность в завтрашнем дне, поэтому рефреном в письмах звучит фраза: «жив буду напишу». О себе он говорит предельно скупое, потому что «писать нечего», а главное – никаких утешительных перемен в его жизни не происходит: весна 1942 года не принесла заметной передышки на фронте, поэтому оптимизма в письме не чувствуется, хотя Алексей Егорович и не жалуется.

Письма свидетельствуют, что их автор – человек малограмотный, хотя для своего времени он считался образованным (в довоенное время исполнял должности председателя колхоза, счетовода).

Историю своего рода сын погибшего солдата, Василий Алексеевич Вятчанин, знает очень хорошо. О своем отце Алексее Егоровиче он поведал нам следующее.

У Алексея Егоровича была сестра Анисья и три брата. Всех братьев призвали в царскую армию во время Первой мировой войны. В годы Гражданской войны Алексей Егорович воевал в армии Буденного. Вернулся домой в 1924 г. В память о тех годах остались у него солдатская книжка, именной пистолет да портрет, на котором он красовался в буденовке. Односельчанам и родным рассказывал, как пришлось воевать с казаками, как не раз спасала его от гибели леворукость, демонстрировал приемы джигитовки. Работал Алексей Егорович в колхозе кладовщиком, был и председателем.

Во время Великой Отечественной войны семья Вятчаниных жила в Талапанах, Василию Алексеевичу было в то время 14 лет. Он помнит, что отцу надо было явиться в военкомат утром, поэтому выехать пришлось в ночь. Парнишка телегу смазал, лошадь запряг, а его не берут: дома должен присматривать за младшими. Как ни плакал, не взяли. Провожать отца поехали мать и сестра Вера.

Сначала Алексей Егорович служил в строительном батальоне, потом пришла весточка, что находится он вместе с земляком – Пашей Мельниковым из Еремьят Лисынского сельсовета – в Красных казармах. Жена Мельникова была родом из Талапан, хорошо знала Татьяну Андрияновну, вместе они и съездили к мужьям в феврале 1941 г. В начале 1942 г. мужчин отправили на фронт, под Москву.

Осенью 1941-го Василий Вятчанин школу уже не посещал, так как хлеба не хватало, нужно было работать. Вскоре его отправили на Вишеру на лесозаготовки.

Старший брат Иван, придя с действительной перед самой войной, женился, а в июле 1941-го ушел на фронт (в июле мать провожала сразу сына и младшего брата Кузьму). В сентябре 1942 года после контузии Иван был демобилизован.

Домой он вернулся очень больной. Шея раздута – никакая рубаха не застегивалась, легкие были повреждены. Жена его Мария жить в семье мужа не хотела. Семья большая, есть досыта не приходилось. Стали жить отдельно, Мария работала на комбайне, Иван – на тракторе.

В Талапанах семья жила до пожара 1953 года. Летом в сенокос случился пожар, много домов в деревне сгорело. Василий Алексеевич работал на сенокосилке, за день сильно уставал. Пожар вовремя не заметили. Дом Вятчаниных был высокий, хотя и одноэтажный. Спасти из дома ничего не удалось. Мать сразу схватила свой узел (он у нее всегда был), стала спускаться в окно. А высоко – не может. Сын бросился ей помогать. Она встала на ноги и воскликнула: «Ой, кошель-то мой!» Подал ей сын этот узел и велел идти к кустам, к пруду. Василий Алексеевич кое-что выкинул под окно – постель, швейную машину, но все сразу занималось огнем. Спасти удалось только швейную машинку (которая до сих пор служит хозяину). Особенно жаль, что сгорели фотографии многочисленных родственников и портрет отца.

Пришлось семье переехать в деревню Кожино, где они прожили девять лет, а потом в Нижнем Лыпу кузнец понадобился – в 1962 году перебрались в Нижний Лып.

Мать продолжала жить в семье сына, так как две младшие дочери – Ольга и Злата умерли, а младший сын Саша служил на подводной лодке, получил облучение, болел, рано умер.

Вот так жила семья без отца, о котором в 1942 году сообщали, что он пропал без вести. Мать сильно горевала, ее угнетало слово «пропал», которое в нашей местности имеет значение «сдох» – так говорят обычно о скоте. Легче ей было бы принять слово «убит». Писем от Алексея Егоровича, конечно, было не три, а много больше, их часто читали и, вероятно, «зачитали». Первые письма приходили в конвертах, а затем их сменили треугольники. Писал отец химическим карандашом, который взял из дома.

О гибели отца узнали от дежурного в сельсовете (тут голос Василия Алексеевича прерывается, на глаза набегают слезы, он выходит из комнаты, через несколько секунд появляется в проеме и, не стыдясь слез, продолжает рассказ). Похоронка с сообщением, что солдат погиб под Москвой, пришла позднее.

Писем от друзей-фронтовиков не было. А с Пашей Мельниковым, когда он в связи с ранением приехал домой, Василий Алексеевич встретился. По словам нашего собеседника, его отец с Пашей были в одном орудийном расчете: Паша, скорее всего, № 5, а Алексей Егорович – № 6 или 7. Сослуживец отца рассказал, что ночью их артдивизион открыл огонь по летящим самолетам. Самолеты развернулись и открыли ответный огонь. Ушли самолеты, а на земле всё изверчено, орудия покорежены, кругом воронки, кишки на елках висят. Хоронить почти и некого. Собрали останки, зарыли. Вскоре дивизион получил пополнение, зенитчики продолжили охрану подступов к Москве.

Знакомство с письмами с фронта позволило мне увидеть, прочувствовать через судьбу одного человека трагическую судьбу многих миллионов солдат, которые еще вчера были мирными жителями, а назавтра взялись за оружие. Мне удалось прочесть эти письма и, несмотря на безграмотный текст, почувствовать и понять тоску взрослого мужчины по своей семье, любимой жене, привычному образу жизни.

Основные темы писем – это солдатские будни, волнение от неизвестности, где и как сложится дальнейшая служба, забота о близких, о домашнем хозяйстве, о положении дел в колхозе, от которого будет зависеть благосостояние семьи.

А. Е. Вятчанин с момента рождения и до зрелого возраста прожил в своей родной деревне Талапаны Нижнелыпского сельсовета, и самым ярким фактом его связи с внешним миром была семилетняя военная служба, в том числе в Конной Армии Семена Буденного. Он хорошо был знаком с военными порядками, поэтому, понимая непредсказуемость военной судьбы, не беспокоил семью своими проблемами, а пытался прожить, хотя бы в письмах, кусочек мирной жизни.

Как и у многих семей, потерявших отцов на фронте, судьбы членов семьи А. Е. Вятчанина сложились непросто. Рано ушли из жизни сыновья, от болезней скончались дочери. И только Василий Алексеевич бережно хранит память об отце.

Я не прочитала эти письма, я прожила маленький кусочек жизни неведомого мне далекого-близкого односельчанина Алексея Егоровича Вятчанина. Бесконечно дороги эти пожелтевшие от времени листочки. Само время определило их судьбу – быть уникальным источником, который показывает жизнь простых людей в тылу и на фронте. Они должны храниться вечно.

Юлия Зубарева,
ученица 11 класса школы
ст. Чайковская Нытвенского района Пермского края
Руководитель – Н. А. МАРКОВА

ДЕЛА И ЛЮДИ ЗЕМЛИ МОЕЙ **(Станция Чайковская в годы** **Великой Отечественной войны)**

Моя родина – станция Чайковская – является центром большого поселения. В годы Великой Отечественной войны здесь располагалось четыре колхоза: «Красный трактор», «Имени Чапаева», «Имени Калинина», «Кавказ». Они были объединены в Калининский сельский совет. Война злым вихрем ворвалась в жизнь наших земляков, развеяв планы на мирную жизнь. Бывшие труженики колхозов до сих пор со слезами вспоминают чувство растерянности, охватившее их в первые минуты. Но вскоре на общем собрании колхозников люди говорили о своей готовности отстоять Родину, дать отпор врагу.

Полным ходом шла мобилизация военнообязанных. В начале июля пошли на фронт первые эшелоны с мобилизованными уральцами. В их числе были и сотни мужчин Калининского и Ленинского сельсоветов. Всего за годы войны ушло на поля сражений около 200 жителей ст. Чайковская и близлежащих деревень, более 50 человек не вернулось. Горькие дни отступлений и окружений, обороны Москвы, Ленинграда, Кавказа, Сталинградская битва, сражение на Курской дуге, штурм Кенигсберга, освобождение стран Восточной Европы, героический штурм и взятие Берлина – во всех этих боях сражались наши земляки. Были среди них танкисты, артиллеристы, зенитчики, минометчики, радисты, разведчики, каждый внес свой посильный вклад в победу над фашизмом. За мужество и героизм

большинство из них были награждены медалями. Орденом Отечественной войны II степени награждены В. П. Лутков, А. И. Некрасов; орденом Славы III степени – К. А. Вотинов, Г. К. Карелин; орденом Славы II степени – В. Н. Чудинов.

А дедушка моего одноклассника Михаил Петрович Беспалов, старшина разведроты, за стойкость и мужество был награжден двумя орденами Славы II и III степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красного Знамени, а также медалями «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Этот человек – единственный из наших земляков участник Парада Победы в июне 1945 года. В составе 48-й гвардейской Краснознаменной Криворожской орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии он прошел тысячи километров по дорогам войны. Геройски сражался с врагом под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и Днепре, под Кенигсбергом, Берлином и Прагой; на Западном фронте в 1942 году, на 3-м Украинском – в 1943-м, на 1-м Украинском – в 1944-м и закончил войну в 1945 году в рядах воинов 1-го Белорусского.

Прошагал по дорогам войны до самого Берлина и Петр Андреевич Бабушкин, тоже разведчик. Множество раз вместе с другими разведчиками проникал он в тыл врага. Его мужество и героизм Родина отметила боевыми орденами и медалями.

В те суровые годы подвиги совершались не только на фронте, но и в тылу. Армия нуждалась в боеприпасах и оружии, в продовольствии и обмундировании. За годы войны в колхозе им. Калинина медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 130 человек, 71% награжденных – женщины, так как основная работа в тылу легла на женские плечи. «Днем работали на ферме, а в ночь ездили сеять на сеялках. Не хватало кормов, не хватало продуктов питания, так как все отправляли на фронт. Жили на ягодах и грибах, собирали съедобные растения», – вспоминает Анна Кузьмовна Шилоносова.

В уборочную кампанию 1944 года на жатве отличились машинисты Лука Семенович Карелин, Николай Михайлович Чирков. О лучшем севаче колхоза Иване Тельканове писала в 1945 году районная газета «Сталинский путь» (№ 6 от 8 февраля 1945 г.) в статье «Вырастим высокий урожай». На 11-ряд-

ной сеялке на паре лошадей за 10 рабочих дней он засеял 66 га. Кроме того, работал на вспашке и культивировании, где ежедневно перевыполнял норму и за 20 рабочих дней заработал 71 трудодень, начиная работу в 5 часов утра и заканчивая в 12 часов ночи. В этой статье рассказывается и о трудовом подвиге комсомолки Анны Телькановой. За 25 рабочих дней она заборонила 130 га. Всего на весеннем севе она заработала 87 трудодней. А молодые девушки Анфиса Тютикова и Екатерина Окатова заработали за этот же период 69 и 80 трудодней соответственно. В тяжелых условиях женщины, подростки, старики убирали «военный» урожай. Женщины поддерживали фронт нечеловеческими усилиями, перевыполняя планы в несколько раз, они – героини войны наряду с фронтовиками.

24 сентября 1944 года газета «Сталинский путь» сообщала о перевыполнении плана по сдаче государству сортового зерна. Вместо 150 сдали 260 центнеров. На току работали все: старики и подростки. Машинист конной молотилки Иван Савватеевич Пепеляев, комсомолки Женя Карелина, Таня Костарева и 76-летняя Феодора Семеновна Волкова не ушли с тока, пока не выполнили по три нормы.

За годы войны на фронт для бойцов было отправлено большое количество валенок, полушубков, шапок, варежек, носков, а также портянки и комплекты теплого белья. Кроме того, колхозники дополнительно приняли обязательство до конца войны содержать взвод бойцов Красной Армии.

Зимой колхозников направляли на лесозаготовки. В тяжелых условиях они заготавливали бревно-метровник для фронта. «Электричества не было, сидели с керосиновыми фонарями. Нечего было есть. Давали паек – 200 граммов хлеба (а ведь это всего треть сегодняшней буханки), а в основном ели картошку, траву. Если не выйдешь на работу – судили», – вспоминает Агрипина Степановна Печенкина.

Для обеспечения кормом лошадей на фронте требовалось огромное количество сена и фуража. Из всех близлежащих колхозов на станцию Чайковская свозили сено и складировали в огромных складах рядом с железнодорожным полотном, чтобы зимой отправить его на фронт. Память об этом хранит название улицы – «Сенная», появившейся на месте этих складов.

Жители нашей станции собирали деньги на строительство военной техники для Красной Армии. Железнодорожники станции Чайковская деньги, заработанные на Всесоюзном суббот-

нике, передали в Фонд обороны. Учащиеся Волеговской начальной школы Калининского сельсовета на постройку самолета «Юный патриот» внесли 183 рубля, в том числе Зоя Долгих – 30, Ваня Печенкин – 18, Лена Субботина – 15 рублей. Организовали сбор цветного лома. Школьники собрали 41,8 кг. Учащиеся 7-го класса Александр Некрасов и Вера Патокина сдали самовар.

Наша станция была и важнейшим военно-стратегическим пунктом по переброске необходимой фронту продукции, произведенной в тылу. Через нее проходила основная железнодорожная магистраль, соединявшая центр страны с районами Урала и Сибири. Здесь проходили эшелоны с военной техникой, на запад шли эшелоны с солдатами, на восток – санитарные поезда и эшелоны с эвакуированными предприятиями.

В Нытвенский район эвакуированные начали прибывать с июля 1941 года. В октябре в Нытве был открыт эвакогоспиталь, он принял первых раненых бойцов из Подмоскovie. Доставляли их сначала на станцию Чайковская, а затем на подводах везли в Нытву. 3 сентября 1941 г. на станцию Чайковская прибыл эшелон из города Ленинграда. Там находились женщины, старики, дети – всего 666 человек. Колхозники на подводах развезли их по деревням. Всех ленинградцев, потеснившись, приняли местные жители. Таким образом, станция Чайковская на несколько лет стала родным домом для эвакуированных ленинградцев. Были среди них и такие, кто, как Кира Эдгаровна Инзельберг, приехавшая из Ленинграда с двумя детьми, навсегда остались в Прикамье.

В течение нескольких лет учащиеся нашей школы под руководством учителей Леонида Дмитриевича Орехова и Нины Анатольевны Марковой собирали материалы для экспозиции «Боевая Слава» школьного музея. Многие жители станции Чайковская вынули из дальних ящиков старые письма, дневники, фотографии, красноармейские книжки, похоронки, хранившиеся в семьях, вернулись в своих воспоминаниях в те суровые годы.

Война – это ни с чем не сравнимая разрушительная сила. Но народ объединился для борьбы с общим врагом. Война соединила тыл и фронт, сельское хозяйство и промышленное производство, соединила память о давно минувшем и сегодняшнем. Память о ней соединяет меня с моей родиной – стан-

цией Чайковская. Обобщая материалы, связанные с жизнью станции Чайковская в годы Великой Отечественной войны, я все больше проникалась уважением к людям, моим землякам, пережившим тяжелые годы войны. Хочется, чтобы мои сверстники попытались оценить свою сегодняшнюю жизнь, свои поступки с позиций тех, кто выстоял и победил в той войне.

Юлия Каракулова,

ученица 8 класса школы с. Нижний Лып
Большесосновского района Пермского края
Руководитель – Т. И. БАЛДЫКОВА

ГЕРОЙ ЗАПОЛЯРЬЯ

Уже не одно поколение учащихся и учителей Нижнелыпской школы собирает материал о легендарном и отважном разведчике, герое Заполярья, нашем земляке Михаиле Васильевиче Иутине. Мне захотелось узнать о нем еще больше.

Михаил Васильевич имел большой опыт пограничной службы, был отличным спортсменом-лыжником. 2 октября 1942 года с небольшой группой пограничников Иутин проник в глубокий тыл врага. Более суток просидели разведчики в засаде у тропы, проходившей вдоль телефонной линии. Чтобы вызвать противника на себя, Иутин нарушил связь. Через некоторое время появились гитлеровцы. Их было человек 35-40. Подпустив их почти вплотную, пограничники открыли автоматный огонь. Ошеломленные внезапно и метким огнем, фашисты отступили, оставив семерых убитых. Группа Иутина без потерь вернулась к своим.

В июле группа Иутина совершила 150-километровый марш в тыл за «языком». Семь суток через сопки и болота вел Михаил Васильевич своих разведчиков. На шоссе сделали засаду. Вот показался автомобиль. Иутин подал команду: «К бою!». Короткая схватка. Автомобиль горит. Убито 12 гитлеровцев. Захватив ценные документы, разведчики благополучно вернулись в свою часть. Вместо одного они привели с собой шесть «языков».

Однажды разведчики Иутина направились к реке Лотта. Недалеко от небольшого озера группа расположилась на привал. Часовой заметил невдалеке фашистов, которые безмятежно ловили рыбу. Их было не менее 80 человек. Гитлеровцы тоже

заметили часового. Тревога! Развернувшись в цепь, враги стали окружать разведчиков. Но они ускользнули. Более двух суток враг преследовал пограничников, не давая им возможности оторваться. Тогда Иутин пошел на хитрость. Он приказал разжечь костры и бросить в них патроны. Когда фашисты стали подходить к кострам, они начали «стрелять». Гитлеровцы залегли и открыли огонь. Пока шел этот «бой», наши разведчики далеко ушли от преследователей.

Таков был «почерк» Михаила Васильевича Иутина. Более двадцати рейдов совершил он в тыл врага. И всегда с успехом, и всегда без потерь. Иутин стал героем Заполярья. По всему фронту гремела слава о разведовательном подразделении старшего лейтенанта Михаила Васильевича Иутина — опытного и смелого командира-пограничника.

Только в 1943 году подразделение Иутина провело более десяти успешных операций в глубоком тылу противника. Одной из наиболее умелых была операция, проведенная им в период с 27 июля по 8 августа 1943 года. Тогда разведгруппа в составе 40 человек совершила более чем 300-километровый марш по сильно пересеченной местности, из них 150 километров — по территории врага. В одном бою было уничтожено несколько десятков вражеских солдат.

В августе 1944 года в неравном бою с многочисленным противником разведчики понесли тяжелые потери. В числе погибших был и старший лейтенант Иутин.

Правительство высоко оценило подвиги М. В. Иутина. Он был награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени и посмертно — орденом Ленина.

Многочисленные документы и материалы свидетельствуют о мужестве, храбрости, смелости нашего земляка.

Михаил Васильевич Иутин родился 21 октября 1915 года в деревне Старый Лып Черновского района Свердловской области (ныне — Большесосновский район Пермского края) в крестьянской семье. Родители — Василий Андреевич и Анна Митрофановна Иутины. После окончания Старолыпской начальной школы он поступил учиться в Черновскую школу крестьянской молодежи (ШКМ), окончил шесть классов. В 1933 году семья переехала в Удмуртию на станцию Мужвай. Оттуда Михаил переехал в город Ижевск к сестре Александре. Она устроила его учеником на завод. Уже через несколько месяцев на заводе Михаила заметили как хорошего организатора и отправили на учебу

в партийную школу. В 1936 году Иутин был призван в армию, попал в пограничные войска. Через год окончил школу младшего комсостава и с мая 1939 года служил в 82-м Рестикентском пограничном отряде Мурманского округа. В начале Великой Отечественной войны Иутин имел звание старшины и занимал должность заведующего вещевым складом. С октября 1942 года Михаил Иутин – командир взвода пешей разведки, позднее он был назначен на должность начальника пограничной заставы. Последнее воинское звание Михаила Васильевича – старший лейтенант. Погиб славный разведчик 8 августа 1944 года.

В музее Нижнелыпской школы хранятся записи воспоминаний людей, знавших Михаила Иутина, в том числе дневниковые записи его матери, где говорится о том, что Миша с детства отличался организаторскими способностями: организовывал кружки, ставил пьесы, пел в хоре. В детские и юношеские годы Михаил получил исключительную физическую закалку: он охотился, совершал далекие рейды на лыжах, хорошо владел огнестрельным и холодным оружием, постоянно тренировался в меткости стрельбы. Семья, в которой вырос Михаил, была небогатой, но, как большинство крестьянских семей, очень трудолюбивой. Детей рано приучали к работе на земле. Постоянный физический труд формировал выносливость и сноровку.

Сейчас трудно выяснить причину отъезда семьи Иутиных в 1933 году из родных мест, но можно предположить, что покинуть Старый Лып их заставила коллективизация. С 1930 по 1935 год количество жителей в Черновском районе сократилось на одну треть, и значительную часть их составляли крестьяне, заблаговременно покинувшие территорию района. Мы считаем, что природный ум и смекалка помогли членам семьи Иутиных принять такое решение и избежать репрессий, проводившихся в отношении крестьян в эти годы.

Детство и юность Михаила Иутина прошли в Старом Лыпу. Здесь были заложены жизненно важные черты его характера и умений: находчивость, изобретательность, крестьянская сноровка и выносливость, позволявшие выживать в неблагоприятных условиях.

В армии Михаил получил военную специальность, местом службы стал пограничный отряд в суровом районе Крайнего Севера. Вот гдегодились хорошее здоровье, привычка к физическому труду, навыки охотника, лыжная подготовка,

умение руководить людьми и находить выход из любой сложной ситуации.

Вся недолгая жизнь Михаила Иутина была своеобразной подготовкой к героическим подвигам на войне, и героем Заполярья его назвала народная молва.

Среди документов школьного музея есть письмо из школы № 3 города Мурманска. Там речь идет о том, что ребята этой школы ведут большую поисковую работу о Герое Советского Союза М. В. Иутине. Но в наших материалах нет никаких сведений о присвоении М. В. Иутину звания Героя Советского Союза. Письмо, по-видимому, было написано в начале 70-х. Мы начали поиск через Интернет и обнаружили, что в 2001 году школе № 3 города Мурманска было присвоено имя Героя Советского Союза пограничника Михаила Иутина.

Мы написали электронное письмо в Мурманск и через три дня получили ответ кадетов МОУ СОШ № 3. Оказалось, что документов о присвоении Иутину М. В. звания Героя Советского Союза у них тоже нет. Такой ответ нас не удивил, так как мы предполагали, что Звезды Героя наш легендарный разведчик не имел. В ответ на наше предложение о сотрудничестве мы получили согласие мурманчан. Мы узнали об открытии в их школе музея Краснознаменного Мурманского пограничного отряда, о боевых действиях Рестикентского погранотряда в годы Великой Отечественной войны, о Михаиле Иутине и его друзьях. Кроме того, наши новые друзья прислали историческую справку, посвященную погранотряду (затем – полку), в котором служил М. В. Иутин. В этом документе содержатся ценные сведения, которые значительно пополнили фонды нашего музея.

Вот строки из этого документа:

«Имя отважного пограничника-разведчика Михаила Иутина было известно всем воинам Карельского фронта. О смелых действиях иутинской группы часто помещались статьи во фронтовой газете, группа упоминалась в сводках Совинформбюро.

9 августа 1941 года М. В. Иутин возглавил взвод дальней разведки Рестикентского пограничного отряда. Это подразделение только за два года войны провело 23 успешных операции. Всего за время своей боевой деятельности иутинцы совершили более 50 рейдов в тыл врага.

5 августа 1944 года группа М. Иутина вышла в очередной рейд в тыл врага. 7 августа они обнаружили большую группу

фашистских солдат в районе высоты «Ударной» (ныне район озера Верхнетуломское), и отважный командир принял решение принять бой с превосходящими силами противника. 8 августа, будучи раненым, Михаил Иутин до последней минуты продолжал руководить боем, в результате которого противник был уничтожен. Для пятерых храбрых разведчиков пограничного полка бой стал последним. Среди них был и легендарный командир подразделения.

13 августа 1944 года Совинформбюро сообщило по радио о героической гибели одного из лучших разведчиков Карельского фронта. За блестящее выполнение всех заданий командования части и фронта, за героизм и инициативу, мужественный командир взвода разведчиков – старший лейтенант Михаил Васильевич Иутин награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны – I и II степени, Красной Звезды. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1944 году старший лейтенант М.В. Иутин посмертно удостоен высшей награды Родины – ордена Ленина.

В 2001 году средней школе № 3 г. Мурманска присвоено имя Михаила Васильевича Иутина».

Во втором письме мы попросили наших новых друзей, чтоб они прислали нам имеющиеся у них фотоматериалы. Через несколько дней мы получили по электронной почте фотографии и узнали, что у Михаила Васильевича были жена и дочь, родившаяся за несколько месяцев до гибели отца. Также мы узнали о его внуках.

Анализируя документы, письма, дневники, которые имеются в краеведческой комнате нашей школы, мы пришли к выводу, что имя нашего героя-земляка не забыто.

Вот строки из дневника пионеров 7 «б» класса Нижнелыпской школы за 1967 год:

«Память об этом отважном разведчике навсегда останется в сердцах земляков. Ребята продолжают собирать материалы о нем. Готовится специальный стенд. Иван Килин, Володя Русанов, Игорь Харалдин и Олег Кощеев подали заявления в суворовское училище.

Все пионеры и школьники просят, чтобы на родине Михаила Иутина, в д. Старый Лып, был поставлен памятник герою».

На Родине нашего отважного земляка пока нет музея, не сохранился дом, в котором он родился и провел свои детские годы, но жива память о нем.

Ольга Киосе,
ученица 11 класса школы ст. Чайковская
Нытвенского района Пермского края
Руководитель – Н. Д. КИОСЕ

ДЕТСКИЕ СУДЬБЫ, ВОЙНОЙ ОПАЛЕННЫЕ (Размышления о воспитанниках детских домов)

Все дальше в прошлое уходят годы Великой Отечественной войны. Все меньше остается тех, кто прошел дорогами войны. Все старше становятся те, кто родился в 30-е годы XX столетия и кого война лишила настоящего детства: с игрушками, веселыми играми, чистыми и беззаботными мыслями.

Работа в поисковой группе школьного музея, собиравшей сведения о детском доме для ленинградских детей в селе Ленино Калининского сельского совета, заставила меня задуматься о том, какую разрушительную силу имеет война и как долго сохраняются ее последствия.

Способствовала этому и случайная встреча в трамвае. На одной из остановок вошла пожилая женщина, державшая в руках книги. Заметив, что мы с мамой заинтересовались этими книгами, она с грустью и радостью одновременно стала рассказывать о том, что едет с праздника, на котором вручались книги о судьбах немцев в Прикамье. Сама она, в числе других немцев, ребенком оказалась переселенной в наши края. Сколько было в ее словах боли и одновременно радости от того, что, наконец, об этом можно говорить!

Всему миру известны печальные и трагические страницы ленинградской блокады. Мы часто слышим и читаем повествования о героизме защитников Ленинграда, о Дороге жизни, что пролегла по льду Ладожского озера, о невыносимом голоде, о стойкости жителей города, о тяжелой доле тысяч эвакуированных из Ленинграда и Ленинградской области людей и о радости их возвращения в освобожденный город.

Но то, что было связано с переселением детей, еще и сегодня мало изучено. По сведениям документов ПермГАНИ – Пермского государственного архива новейшей истории – из блокадного кольца только в Прикамье было вывезено 78 детских интернатов, 50 детских садов, в которых насчитывалось около 10 тысяч юных ленинградцев. Их селили преимущественно по деревням и селам, используя для этого самые лучшие помещения: детсады, школы. Моя бабушка, Нестеренко (Шилкова) Людмила Андреевна, которой в 1941 году исполнилось 10 лет, вспоминает об этих событиях так: «Однажды утром мы пришли в школу, а там нам сказали, что уроков не будет. По коридорам школы ходили дети с мылом, полотенцами. Их было много. Оказалось, это привезли детей из Ленинграда. Через несколько дней начались занятия. Всех детей расселили, и они учились вместе с нами. Учителя, приехавшие с детьми, стали и нашими учителями». Происходило это в селе Перемское Добрянского района.

Больше всего интернатов было в Чернушинском (22), Еловском (14), Большесосновском (11), Осинском (14) районах. В Нытвенском районе 3 интерната находились в Симонятах, Воробьях и Шерье. В селе Григорьевском разместили Дом младенца (дети до четырех лет).

Особо горько и больно сегодня осознавать, что, эвакуируя, спасая детей, распределяли их по интернатам в соответствии с возрастом, а значит, часто были разлучены братья и сестры.

В октябре 1941 года большая группа детей, примерно 200 человек, прибыла в село Черное Краснокамского района. Это были дети ленинградских писателей, поэтов, композиторов, их матери и бабушки. Среди них были семьи композиторов С. С. Прокофьева, И. О. Дунаевского, писателей Л. В. Успенского, Г. С. Гора, В. С. Рождественского. Дети жили в школе, а их матери и бабушки – в домах колхозников.

Уже 1 января 1942 года наша область полностью взяла на себя финансирование содержания всех эвакуированных детей. Сразу выделили мануфактуру по 2–3 метра на ребенка, а вот обуви – лишь по паре на 10–15 человек. Молоком с детишка-

ми делились колхозы, совхозы, местные жители. Но уже весной 1942 года у каждого интерната была своя земля, свое подсобное хозяйство.

И снова из воспоминаний моей бабушки о событиях 1944 года: «Мы пришли в школу. Все ленинградцы скачут, прыгают, радуются, кричат: «Ленинград освободили! Ленинград освободили!». А мы ничего не понимаем: чего они радуются?! У нас ведь даже радио не было, мы и не знали, что там, на фронте, происходило. А они, видимо, следили за событиями. Может, у них и радио было. Вскоре этих детей не стало».

27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда. 12 июня 1945 года исполнительный комитет Молотовского областного Совета депутатов трудящихся принял решение возвратить в Ленинград в течение второй половины июня – первой декады июля эвакуированных из Ленинграда с детскими учреждениями детей в количестве 2400 человек, родители которых или лица, их заменяющие, проживают в Ленинграде, а также 850 детей-сирот в возрасте 14 лет и старше.

В Ленинград вернулись те, кому было куда и к кому возвращаться. Но огромное количество детей вынуждены были остаться. Их не искали родители, а сами они порой вообще не знали, кто они и откуда. Валентина Марковна Гладышева вспоминает: «Помнить себя я начала лет с пяти. Мы в деревне возле Березников жили, там я и в первый класс пошла. Помню, летом нам давали железные кружки, и мы за ягодами ходили. Землянику собирали».

Маленькой попала на Урал и Надежда Андреевна Богуж. Она вспоминает: «Я о себе ничего не знала. Только в детстве всё домики, как теремки, рисовала. Как потом оказалось, эвакуировали меня из Пушкинского детского дома № 56. А туда я попала 31 августа 1940 года из санатория № 3 г. Сестрорецка. Там и были эти теремки. Ни о родителях своих, ни о родных я до сих пор ничего не знаю».

В архивном документе (ГАПК. ф. р-986. Оп. 1. Д. 18. Л. 77) читаем: «Для размещения детей-сирот, имеющих в районах области, обязать облоно, райисполкомы организовать на базе интернатов детские дома в районах и пунктах. Все оборудова-

ние, имущество, посевы и скот свертываемых интернатов передается вновь организуемым детским домам».

21 мая 1945 года в селе Ленино Нытвенского района был открыт детский дом школьного типа на 100 человек. На начало 1946 года в детском доме было 80 детей, а к 1947 году количество детей возросло до 110 человек.

В этот детский дом и попали наши собеседницы: Валентина Марковна Гладышева (Степанова) и Надежда Андреевна Богуж. Надежда Андреевна вспоминает: «В 1942 году я была эвакуирована в Богородский район Кировской области, в село Ухтым. В 1944 году взята на воспитание. Очень плохо было. Хозяйка взяла меня только для того, чтобы я милостыню просила – детям-то чаще подавали. А на меня ей вовсе наплевать было. Ни одежды, ни еды не было. Нашлись добрые люди, отдали меня в детский дом № 1 села Половинка, а когда ленинградцев собирать стали, привезли меня в Ленино».

Дети жили в двух корпусах интерната. Затем для детского дома построили баню («Воду-то сами из-под горы носили ведрами!»), прачечную, прожарку, ледник и т. д. Учились ленинградцы вместе с сельскими ребятами. «Детдомовские ребята были умные, отличались от сельских своей активностью. Много трудились, помогали и односельчанам. Часто приходили к нам с женой. Им не хватало домашнего общения, и они очень отзывались на доброту и ласку. В селе никто не пакостил. Хоть и голодно было, никто не допускал никакого воровства. Зато концерты ставили хорошие: и пели, и играли, и танцевали. За скотом ухаживали, в огороде растили овощи... Да все делали, ни от чего не отлынивали», – вспоминает учитель математики Виктор Павлович Лутков. «Отопление было печное, лампы керосиновые, матрацы и подушки набивали обмолоченной соломой. Это уж потом привезли ватные. А одеяла такие большие привезли, что мы их надвое разрезали, – добавляет воспитатель детского дома Надежда Владимировна Бородулина (Холмогорова). – Я с мальчишками работала. Бывало, лягут спать, дверь закроют и поют тихонько о Ленинграде. У меня аж слезы наворачивались. Дети все родных искать пытались. Однажды приехала женщина. Мы, когда ее в окно увидели, сразу

поняли, к кому она приехала: так одна девочка на нее похожа была. А женщина от девчонки отказалась, у нее к тому времени уже другая семья была. Наши подопечные даже бунт устроили, еле мы их успокоили».

Другой воспитатель – Иван Григорьевич Ерохин вспоминает: когда дети узнали, что он защищал Ленинград, все прибежали к нему с одним вопросом: не видел ли он их пап или мам? Что должен был отвечать молодой воспитатель? Как успокоить детские души?

Искали своих родных и наши собеседницы. Валентина Марковна Гладышева нашла брата и сестру уже будучи взрослой: «Брат написал, что отец погиб на фронте, а мать умерла в блокаду. Сам же он жил в Сибири. Сестра оказалась недалеко, в Пермской области, но встреча не принесла радости – слишком разные мы оказались люди. Так и осталась я снова одна».

Надежда Андреевна Богуж несколько раз предпринимала попытки разыскать родителей: «Я письмо напишу, а меня в «органы» вызывают, заставляют, чтоб не искала. Наконец, подписку взяли, что не буду искать. Что уж мои родители сделали? Может, и фамилия-то моя придуманная?».

Лев Семен, еще один воспитанник детского дома, найдя свою сестру в Ленинграде, уехал к ней. Но, как рассказали нам его учителя, к которым он часто приезжал, не только родственных отношений, но и общения не получилось.

Обе наши собеседницы после выпуска из детского дома получили рабочие профессии, вышли замуж, родили детей. Но семейная жизнь не принесла радости: Надежда Андреевна одна растила сына, назвала его в честь директора интерната Виктором. С пьяницей-мужем мучилась Валентина Марковна. Да и у многих других воспитанников детского дома жизнь сложилась не лучше. «Выросли мы в обществе, не умеем в семье жить, вот и пошло у нас все наперекосяк», – делает вывод Надежда Андреевна Богуж.

Живет с одной из дочерей в селе Григорьевском Нытвенского района пенсионерка Валентина Марковна Гладышева, ездит к любимой воспитательнице Надежде Владимировне

и к любимому учителю Виктору Павловичу, помогает, чем может, считая их своими родными, своей семьей. Ушла из жизни в 2006 году Надежда Андреевна Богуж, много повидавшая горя, но сохранившая до конца жизни грустные, но теплые воспоминания о сверстниках-детдомовцах. Написала письмо из Таганрога Тамара Семеновна Малюгина с воспоминаниями о детских годах и рассказом о сегодняшней своей жизни...

А мне вдруг подумалось: дети, спасенные государством, в большинстве своем были обречены на одиночество, на чувство пустоты, которую невозможно было восполнить, на неведение и надломленную в корне жизнь. Право распоряжаться детскими жизнями приняло на себя государство, но война все равно опалила их судьбы...

Анна Крылова,

ученица 7 класса школы

с. Григорьевского Нытвенского района Пермского края

Руководитель – С. А. ДРУЖИНИНА

ПОИСКИ ПРАДЕДА

Все мои родные по материнской линии – уроженцы села Григорьевского Нытвенского района Пермского края. Родилась здесь и я. Семья у нас дружная, вместе отмечаем праздники. Но есть в нашей семье человек, о котором никто ничего не знает – это отец моего деда. Вот уже несколько лет я пытаюсь разыскать своего прадеда – солдата немецкой армии.

Однажды мы на уроке истории составляли родословную своей семьи. Моя бабушка сказала, что имени моего прадеда не знает никто. Как же так? Оказалось, что даже перед смертью, несмотря на просьбу моего деда рассказать, кто же его отец, моя прабабушка ничего не сказала – она боялась. Боялась, потому что отцом моего деда был пленный немец. Он находился на излечении в госпитале нашего села. В 1943 году раненых пленных немцев привезли в наше село. В госпитале работала моя прабабушка в годы войны. Я начала искать хоть какую-то информацию. Вместе с мамой ездила в военный архив Министерства обороны в город По-

дольск Московской области. Нам сказали, что списки до сих пор засекречены.

Первый немецкий солдат, по данным, приведенным в газете «Аргументы и факты» (2004, № 49), попал в плен 22 июня 1941 года. Последний был отпущен домой 9 сентября 1955 года. За это время через советские лагеря прошли до 3,5 миллионов пленных. По нашим данным, в плену умерли 450 тысяч. По немецким – до полутора миллионов.

Информацию я собираю по крупицам, в основном по воспоминаниям односельчан. Мне посчастливилось встретиться с выпускником нашей школы А.Ф. Чебыкиным. Он член Союза журналистов России, автор книг «Русь моя неоглядная», «Стефан Пермский» и др. Он писал и о судьбах односельчан. На читательской конференции в нашей школе Александр Федорович порекомендовал мне прочитать его рассказ «Картофелина». Читаю первые строки: «Осень 1947 года. Пермская область, село Григорьевское на реке Сюзьве. Госпиталь покидают последние тяжелораненные, некоторых переводят в госпиталь в Пермь, но большинство разъезжается по домам». Читаю дальше с надеждой найти хоть какую-то информацию, так как А. Ф. Чебыкин пишет свои рассказы на основании воспоминаний очевидцев. Наталкиваюсь на описание одного из пленных: «Долговязый, с тонкой шеей, с бледным лицом и горбинкой на носу пожилой немец запрягает лошадь. Прошу: “Фриц, подвези до школы.” Он отвечает: “Нихт фриц, их бин Пауль, гут.”».

Может быть, это тот, кто мне нужен, но смущает возраст – мой прадед в те годы был молодым. Но сколько нового о жизни военнопленных я узнала! «Военнопленные свободно гуляют по селу, некоторые с удочками сидят на плотине, пробуют ловить рыбу. Вдовы-солдатки приходят к начальнику госпиталя, просят, чтобы немцы помогли в хозяйстве – то печь сложить, то крышу перекрыть. Отпускают. Среди немцев многие из сельской местности, работу делают добросовестно, с умом». Значит, мой прадед ходил по тем же улицам, ловил рыбу в том же пруду. Немцы не чувствовали себя изгоями. Я знаю, что мы воевали с немцами, значит, немцы были наши враги? Почему же тогда, по рассказам односельчан, наши по-

луголодные женщины носили немцам картошку, молоко, хлеб? Значит, они наши друзья? Почему же тогда даже через много лет после войны моя прабабушка боялась назвать имя этого немца? И все эти годы ее осуждали односельчане. Значит, они наши враги?

Ищу дальше, и в нашей библиотеке мне попадаетеся журнал «Воин России» (2004, № 12), в нем – повесть А. Карышева «Пленные немцы в Григорьевском». Читаю: «Колонна из 30 фрицев марширует по сельской улице. Село замерло. Это те, кто убивал, это те, кто топтал и топчет нашу землю! Да, это те. Лица у немцев были небриты, щеки ввалились, губы от стужи одеревенели, покоробились, поголубели. В колонне белели грязные марлевые повязки, покрытые коричневыми пятнами. На ком-то каска, имевшая хищный вид и ломаную в основании линию. Другой был одет в черный комбинезон и в тяжелый шлем танкиста. Третий немец закутал голову одеялом, а четвертый – то ли женским платком с кистями, то ли четвертушкой скатерти. По обе стороны колонны шагал конвой, держа на весу винтовки со штыками. Бежать военнопленным было некуда, незачем и не хотелось. Одни уже пали духом и больше не годились для войны, другие после страшных боев стали намного умнее и хитрее, некоторые же с самого начала не верили, что им надо воевать.

Но уж очень вид их жалок: одежда потрепана, многие ранены, и все как один прячут взгляд. С осени 1943 года село зажило другой жизнью: в старой школе разместился госпиталь для пленных немцев. Односельчане относились к ним без ненависти, скорее с любопытством. <...> К пребыванию пленных немцев в селе местные жители относились довольно спокойно. Мы даже не завидовали их белому хлебу и маслу. Мы, дети, вначале их боялись, а потом не обращали внимания. <...>

Помню, были Тепс, Адам – они были добры к нашим, к местным. Жалели русских женщин, говорили, что их женщины к работе ленивы.

У них, у немцев, подсобное хозяйство в д. Анферы было: хлеб, сено, картошка».

Читая повесть А. Карышева, я с удивлением отметила, как верно и точно автор описал чувства героини, работающей

в госпитале. Точно такие же чувства испытывали Н. Г. Паисова, М. М. Самохвалова и другие жители села, работавшие вольнонаемными в госпитале. «Но никогда они не попрошайничали, за что и стали их уважать на селе. Некоторые немцы, скучая по своим семьям, вырезали из дерева игрушки и дарили сельским мальчишкам». Вот как вспоминает о дружбе с немцем А. Ф. Чебыкин в своей книге «Герой Днепра»: «На Пасху Пауль дарит мне резную деревянную шкатулку, отшлифованную до блеска. На крышке ангел, а по бокам серп и молот. Меня это сочетание удивляет. Пауль объясняет: “Мы просим у Бога хлеба насущного, но для этого надо трудиться и в поле, и на заводе”. На внутренней стороне крышки готическими буквами, но на русском языке: “Александру от Пауля. Апрель 1948 г.”.

Появляются новые имена, новые источники. Я, наверное, никогда не узнаю имени моего прадеда. Я не знаю, уехал ли он домой или скончался от ран в нашем госпитале. Имена немецких солдат, которые лечились в нашем госпитале, до сих пор мне неизвестны. Но я знаю одно: мой прадед был простым солдатом, которого отправили воевать, как тысячи других солдат. Несколько десятков немцев нашли свой последний приют на нашем сельском кладбище. Я иногда хожу туда и, положив букет цветов, мысленно говорю: «Здравствуй, прадед».

Ирина Спехова,

ученица 8 класса школы с. Григорьевского

Нытвенского района Пермского края

Руководитель – Л. Д. ЮГОВА

УЗНИЦА МРАКОБЕСИЯ

Мы жертвы репрессий.
Вы, кажется, так
Теперь называете нас.
И, судя по прессе,
Развеялся мрак,
И пробил положенный час.
С пакетов молчанья
Осыпался клей
И хрустнул на ваших зубах!

Да только не стало,
Не стало светлей
В не считанных наших гробах.
Когда спозаранку
Стучали к нам в дверь,
Вонзая в рассвет голоса,
Мы вместо прощанья
Шептали: «Не верь!»,
Целуя родные глаза.

Среди богатств, которыми природа щедро одаривает человека, есть один дар, драгоценнее которого, по-моему, нет. Это дар памяти.

Ничто не может сравниться с тем чудом, которое мы за просто называем воспоминанием. По велению нашей памяти встают, не померкнув, прошедшие года, выстраиваются, подобно приведенному в боевую готовность войску, накопленные знания, заново разворачиваются события, оживают голоса, запахи, звуки, краски... И вот сквозь мутную дымку проступают лица людей, которые нам в прадедушки и прабабушки годятся. Это те, кто в 30–40-е годы подвергся репрессиям.

Тысячи людей были оклеветаны, лишены гражданских прав, насильно переселены с родных мест, разлучены с близкими и родными. Урал в различные времена принимал людей, по многим причинам отнесенных к категории «врагов народа» или неблагонадежных. Для многих из них он стал второй родиной.

С 1917 по 1985 год через Пермскую область прошло не менее 400 тысяч репрессированных, среди них – арестованные органами ВЧК, ОГПУ, НКВД, МВД, МГБ, КГБ и осужденные, раскулаченные, депортированные по национальному признаку, мобилизованные в трудовую армию.

Паулина Ивановна Деринг родилась в 1924 году в семье поволжских немцев. Была вторым ребенком в семье. Всего в семье было трое детей и двое взрослых. Занимались сельским хозяйством. У них был земельный надел, коровы, поросята, куры, овцы. Так продолжалось до начала войны.

С 1930 года в стране шла ликвидация кулачества как класса. Ситуация напоминала эпоху Великого переселения народов. Днем и ночью громыли переполненные эшелоны, одна за

другой плыли по рекам баржи, дороги были забиты повозками и толпами людей. Они были лишены гражданских прав. Для них придумали название: «спецпереселенцы». Места для проживания переселенцам отводились часто в необжитых краях. Поначалу жить приходилось в землянках и палатках. Работали на лесосеках, вручную валили лес, корчевали пни, ставили первые избы.

Условия труда спецпереселенцев мало чем отличались от лагерных. Никто не заботился о здоровье людей и не нес ответственности за их гибель от голода, болезней и тяжелого физического труда. В каждом лесном поселке была спецкомендатура, был свой комендант – судья и прокурор.

У каждого человека, ставшего жертвой чудовищного эксперимента власти, были неповторимая жизнь и судьба, свои радости и горести. Первое поколение их ушло безвозвратно, в преклонном возрасте нынче дети бывших спецпереселенцев. Продолжает жить третье поколение – внуки, которые лишь по рассказам и книгам знают о жизни своих отцов и дедов.

Репрессиям подвергались люди разных национальностей, выходцы из различных регионов страны. Нам удалось встретиться и побеседовать о том времени с Паулиной Ивановной Деринг.

Когда началась война, Паулине было 17 лет. Через месяц после начала войны поволжским немцам было приказано собирать вещи (что можно было унести в руках) и выезжать. Вывозили людей в товарных вагонах. В вагоне негде было шагу ступить, выходить на остановках запрещалось, а для нужды стояли «параши». В пути вагоны закрывали на замок, внутри каждого находился работник НКВД.

Рассказ Паулины Ивановны будоражит душу, вызывает негодование и желание просить прощение у ни в чем не повинных людей за беспредел. Двадцатый век полон человеческими трагедиями. Сначала шли репрессии, коснувшиеся представителей разных сословий, в том числе – крестьянства, потом страшный голод, унесший миллионы жизней. От голода наиболее сильно пострадали люди в сельской местности, потому что у крестьян полностью изымались продукты их труда. При этом словно не замечали опухших от голода детей, изможденных стариков и женщин, зачахших молодых людей. Репрессии не прекратились и в годы Великой Отечественной войны, и без

того каждый день уносившей жизни людей. Целые народы подверглись депортации и высылке.

Семью Паулины Деринг привезли в Алтайский край. Они попали в Сорокинский район, в деревню Афоня. Там их семье, состоявшей уже из семи человек, дали комнату. Отец устроился каменщиком в соседнее село. Паулина со старшей сестрой Екатериной помогали ему. Прожили там год, затем отца забрали в трудармию в Челябинскую область. Осенью 1942 года забрали в трудармию и мать, и Паулину, и Екатерину. Паулину увезли в Горьковскую область, сестру – в Ташкент. В Алтайском крае остались совсем одни четырехлетний сын Екатерины и младшая сестра Эрна одиннадцати лет. Юра просил милостыню, а Эрна носила похоронки. Этим они и жили.

Паулина Деринг оказалась на станции Сухобезводная. Работали там молодые девушки и женщины на лесоповале, на погрузке леса в вагоны, на пилораме. Работали по 12 и более часов, без выходных дней. Жили в лесу, в бараках. Раньше в этих бараках жили заключенные. Уходить никуда не разрешалось. За уход грозил арест. За работу получали паек. Раз в месяц все должны были отмечаться в комендатуре. Письма писать разрешалось. После окончания войны девушек и женщин из леса перевели в колхоз «Комсомолец». Там работали в поле, заготавливали сено, выращивали овощи. Жили тоже в бараках. Отмечались в комендатуре.

Лесорубы, наточите топоры,
Помахайте до вечерней до поры,
А когда придет вечерняя пора,
Отдыхайте вы до самого утра...

Такую вот песню пели...

Отцу семейства разрешили вернуться в Алтайский край. В 1950 году он сделал запрос о дочери, и Паулина приехала к нему. До 1954 года жили в Алтайском крае. Можно было уже возвращаться на родину, но с условием: ничего из своего имущества назад не требовать. Отец решил домой не возвращаться. Ему было тогда уже 60 лет.

Старшая сестра, Екатерина, была в Ташкенте. Там она и осталась. После того как разрешили выезжать, Паулина уехала в Ташкент. Там жила до 1957 года. Вышла замуж, и в 1957 году

они вместе с мужем приехали на станцию Григорьевскую. Они живут здесь по сей день. Муж – уроженец города Чермоза Ильинского района.

Поисковые группы нашей школы собрали и обобщили материалы по темам: «Узница мракобесия», «Они жертвою были судьбы роковой», «Мы – григорьевцы». Изучив имеющуюся литературу, архивные документы, встретившись с живыми свидетелями беззакония, мы пришли к выводу: пока бьется сердце хоть одного из ветеранов, нужно записывать их воспоминания для истории.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

РУКОВОДИТЕЛЬ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕРМСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

В. С. КОЛБАС

Ольга Жужгова,

**ученица 10 класса школы с. Петропавловского
Большесосновского района Пермского края
Руководитель – Н. И. ШАРГУЛИНА**

МЫ ГОТОВЫ СВОИМ ТРУДОМ УКРАШАТЬ ЭТУ ЗЕМЛЮ

(История семьи в истории поселения)

В праздники, когда к дедушке и бабушке приезжали многочисленные родственники, велись бесконечные разговоры. В них переплеталось прошлое и настоящее. Неужели, думалось мне, все, что они говорят, было с ними? Что же скрепляет моих родственников? Память, чувства. А еще что? Трудолюбие. Какая-то особая тяга к земле.

Я стою на полевых угодьях Петропавловского сельскохозяйственного производственного комплекса и гляжу на ту сторону речушки, где когда-то была небольшая деревушка Медвеженск или, как ее называли в народе, Голодаи. По всей вероятности, это название она получила в период Гражданской войны. На полях хорошо рос картофель, овес. Другие зерновые культуры росли неважно. Колхозы обирались государством.

В деревне было пять-шесть домов. Именно в эту землю уходят корни моей родословной до шестого поколения. Мой прапра-прадед Егор Тимофеевич Селетков родился в 1879 году. До семи лет жил в Медвеженске, а позже уехал с родителями в Селетки.

Чуть дальше начинается другая деревня – Семенкас. Отсюда в 1963 году уехали последние жители. Я мысленно представляю себе полевую дорогу, по которой едут повозки. Справа деревня Паклино. Здесь издавна выращивали лен. Говорят, что поля во время цветения льна были голубыми. Правда, когда убирали лен поздней осенью, его стебли были колючими, голыми руками не поработаешь. Во время уборки изнашивали не по одной паре рукавиц, но результат стоил труда. Из льна получали вкуснейшее масло, ткали полотно: грубое и тонкое, оно везде находило применение. Слева от Паклино расположилась деревня Лежебоки. Ее жители плели сито из конского волоса, изготавливали кирпич и обжигали его под угором.

Я спускаюсь по крутому склону холма. Успеваю сорвать несколько ягодок клубники. Вокруг густой запах полыни. Люди, собирающие здесь клубнику, и не догадываются о том, что в 1919 году в этих местах шли бои. Красные и белые – нет правых. Всех схоронила мать-земля.

Дальше начинаются селетковские угодья. В этой деревне, впрочем, как и везде, мужики на общественных собраниях делили поле на полосы. Регулярно земли переходили от одного к другому. Как знать, может, труд пра-прадедов помнит эта земля. Где-то тут в боях с Колчаком погиб сын моего пра-пра-прадеда Афанасий. Деревня утопает в цветах ромашки и донника.

Это – Селетки. Название происходит от слова «селеток» (в пермских говорах – жеребенок). Многие семьи носили фамилию Селетковы. В конце XVIII века деревня была еще почином. Скорее всего, первыми поселенцами в этих местах были люди старой веры, которые бежали от притеснений после раскола русской православной церкви.

За Селетками, по правую сторону ручья, за редкой стеной леса, стоит памятник. В годы Гражданской войны у богатого жителя Михаила Матвеевича Корлякова была батрачка Анна Пивоварова. Сын ее Василий ушел к красным, и за это ее с дочкой Евдокией десяти-одиннадцати лет вывели августовской ночью на скотские могильники, поставили на край выкопанной могилы и застрелили, а девочку ударили по голове штыковой лопатой. Сбросили в могилу обеих...

Однажды дед мне рассказал, как делали плотину деревенского пруда. Выбирали место постройки. В землю вбивали столбы, переплетали их ивняком – получался плетень, а затем носили навоз, сыпали землю, стлали солому. Чередуя слои, утап-

тивали. Обязательно делали слив для весеннего паводка. Доски в этот момент убирали. Лишняя вода уходила, не размывая слани. Напротив пруда стояла церковь, чуть ниже – кузница, дальше – огромная пасека.

Подхожу к месту, где жил мой пра-пра-прадед Егор Тимофеевич. Здесь он вырос. Женился на Прасковье Лаврентьевне. Они воспитали четырех сыновей: Афонасия, Гавриила, Василия, Ивана. Пра-пра-прадедушка был трудолюбивым человеком. Для тех времен он был зажиточным хозяином. Имел два дома: один старый летний, второй новый двухэтажный. В хозяйстве было пять коров, десять овец, две лошади, веялки и молотилка. Но в 1930 году его раскулачили, только старую избу не забрали. Жить семья осталась в деревне. Умер Егор Тимофеевич в 1939 году.

Нелегко сложилась жизнь его сыновей. Гавриил прожил всю жизнь в Селетках. Иван работал в военкомате на Алтае и, по рассказам знакомых, был расстрелян в годы сталинских репрессий. Василий, мой пра-прадед, родился в 1905 году и уже в шестнадцать лет женился. У него было четверо детей: Сира, Михаил, Яков, Тамара. Пра-прадед погиб на Халхин-Голе. В настоящее время осталась жива его старшая дочь Сира. Она родилась в 1923 году в Селетках. В семь лет видела, как раскулачивали ее семью. Когда началась Великая Отечественная война, она работала на веялках, на тракторных прицепах. В 1944 году вышла замуж за инвалида войны. Трех детей – Александра, Людмилу, Алевтину – воспитывала одна.

Мой дедушка Александр Александрович Жужгов родился в 1945 году. Окончил строительное училище. Служил морским пограничником на Черном море. После армии окончил механическое училище. В 23 года женился на Раисе Федоровне Сальниковой. Она из соседней деревни – Черепаны. Вместе воспитали шестерых детей: Игоря, Василия, Валентину, Сергея, Олега, Дмитрия.

В 1960-х годах началось объединение деревень, и оно привело к разорению Селетков. Из деревни уехали сразу несколько десятков семей. Остались семьи Макаровых, Корляковых, Копытовых, Селетковых, Жужговых. Ферма продолжала работать: держали коров, телят, за молоком утром и вечером летом приезжала совхозная машина и увозила его на Петропавловский молочный завод. В 1974 году закрыли магазин и школу. Позднее животноводческое стадо перевели в Солоды. Работы

не стало. В 1980 году Жужговы переехали в Солоды. В 1982-м деревня опустела, осиротели сады, пустыми глазницами смотрели одинокие дома, а над всем этим развалом стоял дом, который не хотела покидать Аполинария Федоровна Корлякова. В то время ей было 72 года. Уезжать она отказалась.

В Солодах мой дедушка работал бригадиром.

С 1987 года началась перестройка. Вышел закон, разрешающий иметь фермерское хозяйство. Дед решил, что это шанс к возвращению. К тому времени подросли дети. Выбили технику, земельные угодья, линию электропередач. Приобрели скот, завели пчел. Освоили бухгалтерию рыночной экономики. Наладили реализацию продукции. Дня не хватало на все: поле, ферма, налоги, бумаги.

«Вернулся из армии старший сын Игорь. Уехал в город. Женился, родилась дочь. Была неплохая квартира. Работал на тракторе, попробовал себя в коммерции. Осенью приезжал к отцу на уборку. Садился за штурвал комбайна. После всех сельхозработ возвращался к семье. С каждым разом все сильнее склонялся к мысли, что его призвание – в деревне. Вскоре с семьей он переехал в Селетки. Вместе с отцом и братьями поставили дом. Игорь стал полноправным фермером, компаньоном своего отца», – читаем в статье, опубликованной в газете «Светлый путь» от 25 сентября 1997 г.

Один за другим отделялись сыновья в свои дома. Теперь у них свои хозяйства. Держат совет без отца. Его не стало, а жизнь в деревне идет. Селетки возродились. Крепнет хозяйство, и со стороны на нас смотрят с одобрением. «Теперь так просто Селетки с дороги не сбить. Жужговы завоевали в районе высокий общественный и даже политический статус. Семья утвердила на территории деревни самоуправление, чтобы грамотно строить отношения с сельским поселением, администрацией района. В деревню регулярно завозят хлеб, наладили стабильную подачу электроэнергии. Самостоятельно производят ремонт дороги. Очистили деревеньку от мусора, насадили яблони вдоль дороги, отремонтировали и покрасили заборы. Для ребятишек соорудили детскую площадку. Что интересно, во всех семьях Жужговых и Подюковой (новая фамилия сестры Жужговых) микроклимат такой же чистый, как в окружающей природе. Здесь не пахнет табаком и спиртным, никто не пьет

и никто не курит», – писала газета «Звезда» в номере от 8 февраля 2008 года.

В Селетках проживает семь кровнородственных семей, а на лето приезжает еще одна. Вот так, начиная с седьмого колена, мои предки живут и работают здесь. И поэтому я все больше ловлю себя на мысли, что семейное древо глубже и шире пускает свои корни. И мы готовы своим трудом украшать эту землю.

Анна Зойдзе,

ученица 11 класса школы № 75 г. Чусового Пермского края
Руководитель – И. Ю. ГАРАЕВА

РЕКА ЧУСОВАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ УРАЛА

Чусовая – река легендарная. Возможно, в России из всех уральских рек, кроме Камы, только Чусовую и знают. И не случайно. Она была той водной артерией, по которой Русь перетекала в Сибирь. Как любая русская река, Чусовая упоминается во многих преданиях. И это не только те сказки и былины, что рассказывают по всей Руси. Это свои, местные легенды, впитывавшие в себя и исторический опыт поколений, и смутные воспоминания о языческом прошлом, и фантастические сюжеты, навеянные дикими, причудливыми скалами и вековой тайгой.

Предания рассказывает о давних временах: об идолах и шаманах; о чуде, народе, ушедшем под землю; о капищах и священных деревьях; о борьбе с язычниками и язычеством; о кладах, зачарованных красавицах и окаменевших богатырях; о заколдованных пещерах и горах-плакунах. Бажовские Земляная Кошка, Великий Полоз и Ермаковы лебеди – это отголоски древних мифов Чусовой.

Каждый изгиб реки, каждый камень на ее берегу, сам город, многие его окрестности буквально дышат историей, причем богатейшей, корнями уходящей в глубь веков. Но полнее, чем литературные источники, об этом вряд ли кто-нибудь скажет.

Я решила остановиться на произведениях авторов, принадлежащих к совершенно разным временным пластам.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк в своих произведениях создал целую галерею ярких образов. Но одним из главных героев его произведений является горячо любимая им уральская природа. Когда-то он сам открыл, что «Урал – прекраснейшее место на Земле». Очерк «Бойцы» занимает особое место в творчестве Д. Н. Мамин-Сибиряка. Там описана красавица Чусовая, бурлаки, рабочие, транспортировка демидовского железа. Очерки создавались на материалах, собранных во время путешествий автора.

Движение воды настолько здесь стремительно и неистово, что в очерке «Бойцы» воочию видишь, как «совершается стихийная борьба, и река, как бешеный зверь, мечется в своих берегах, разрушая все на своем пути».

Природа на страницах прозы Виктора Петровича Астафьева неотделима от человека. В одном случае писатель подчеркивает ее детскость («озеро распеленалось») или ее материнское, «родительское начало («Мама-Чусовая еще какое-то время гнала, качала на радостях свою беззаботную волну вдаль, к старшей маме – Каме»)). Природа в произведениях Астафьева живет человеческой жизнью. Особо значима для Виктора Петровича исполненность природы добротой, радостью («дружески распахнутые глаза заводов»), высшего духовного смысла, отсюда в очеловечивании природы уподобление моментов ее жизни некому священному действу («Веточки ольхи... окропились свечечными язычками набухших почек»)).

Вода часто встречается в произведениях В. П. Астафьева. В литературе вода – одна из стихий мироздания. Вода – это жизнь и смерть; вода – это мужское и женское порождающие начала. Река присутствует во многих произведениях автора. Она стремительно движется и увлекает все, что находится на ее пути, в свое течение, в свои водовороты («Река Чусовая прорезала тот хребет, что черствую горбушку хлеба – единственная река, которой удалось одолеть такую крепкую преграду, – катила она свои бурные воды меж скал-бойцов, подле утесов, через пороги, шивера и перекаты»). В ней, в реке, кроется идея о безграничной мудрости и вечности мироустройства и миропорядка, частью которого являемся мы, люди.

Роман Алексея Викторовича Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» посвящен событиям, происходившим на Урале в конце XVIII века. Прошло четыре года с тех пор,

как было разгромлено Пугачевское восстание. С тайной пугачевского клада – золота бунта, зарытого братьями Гусевыми, сталкивается главный герой романа – сплавщик Остафий Переход. Молодому сплавщику очень важно разгадать эту тайну, чтобы оправдать погибшего при странных обстоятельствах отца.

В битве с горной рекой, словно заговоренной вогульскими шаманами, проводят жизнь сплавщики, стремительно ведя караваны барок, груженных железом, по бурным водам Чусовой мимо смертельно опасных скал-бойцов. С первых строк увлекательный сюжет заставляет нас погрузиться в таинственный мир реки Чусовой. Река на страницах романа А. Иванова по праву выступает одним из действующих лиц. Река показывает, что может произойти, если человек поступает плохо, не по совести.

Очерк «Бойцы» Д. Н. Мамина-Сибиряка, рассказы и романы В. П. Астафьева, произведения А. В. Иванова – книги о том, что взаимоотношения человека и природы – проблема глубоко нравственная. Не случайно слова «Родина», «народ», «родник», «природа» – одного корня. Образ Родины в них неизменно связан с образом родной земли. Чусовая – это и река, и городок с таким же названием, герои любого из названных произведений знают свою родную Чусовую, любят ее и не хотят с ней расставаться. Самое большое горе на свете – это лишиться реки. Она и кормит, она и успокаивает, с нею связывают они свои мечты. А человек обязательно должен чувствовать себя добрым хозяином земли и реки. Иначе зачем жить?

Татьяна Калинина,

ученица школы № 1 г. Очёра Пермского края
Руководитель – Н. С. ПЯНКОВА

ОЧЁРСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Очёрский театр начинается не с вешалки, а, как известно, с «комедийного сарая». Было это 200 лет назад, еще при Строгановых. В 1807 году приказчик Прядильщиков получил разрешение Строганова выделить пустующее помещение склада завода под театр. В театре ставили пьесу В. В. Капниста

«Ябеда», оперы М. А. Матинского «Гостинный двор» и А. Н. Верстовского «Аскольдова могила», водевиль Н. И. Хмельницкого «Бабушкины попугаи». Спустя несколько лет очёрские артисты уже выезжали со своими постановками в Пермь и имели там успех.

Репертуар Очёрского театра мало отличался от репертуара столичных театров. В то же время он в какой-то степени отражал вкусы графских управляющих, а также других членов окружного правления.

В 1834 году было построено новое здание окружного правления, а театр переместился в старое здание. В 1887 году артисты получили в свое распоряжение здание первого вотчинного правления. После некоторой переделки помещения состоялось официальное открытие Очёрского театра спектаклем по пьесе А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». Произошло это 8 ноября 1890 года. Позднее сделали пристрой, и театр стал иметь все, что положено театру: фойе, буфет, гардероб, ложи, галерку и яму для оркестра. Резьба по дереву, алый бархат на барьерах лож придавали помещению нарядный вид.

При управляющем Егоре Демидове, женатом на крепостной балерине Поздеевой (уроженке Карагая), очёрцы увлеклись балетом. Чуть позже под руководством главного заводского бухгалтера Михаила Усанина, которого окрестили «местным Щепкиным» за страстную привязанность к сцене, в репертуаре появились пьесы Н. В. Гоголя «Женитьба» и «Ревизор».

Золотая пора театра началась с 1874 года, когда в Очёр приехал П. А. Малых, главный механик, ставший потом управляющим округа, человек всесторонне одаренный, прекрасный скрипач, организатор, режиссер и руководитель музыкальных кружков. О том, что это был не только духовно богатый человек, но и мастер на все руки, говорит тот факт, что Петр Алексеевич сам изготавливал скрипки для своих кружков. Его жена, Софья Алексеевна, бывшая петербургская актриса, также внесла немалую лепту в развитие Очёрского театра.

За всю историю театра там было шесть главных режиссеров. Они своей подвижнической деятельностью не только не

давали театру умереть, но и поднимали его на следующую, более высокую ступень.

К 1883 году театральная труппа составляла уже более 30 человек. Широкую известность в то время получило «Общество семейных вечеров», целью которого было «проводить время с приятностью и пользой». Главным устроителем этих вечеров стал Н. И. Мальцев (позднее – режиссер театра). Он известен тем, что установил в Очёре солнечные часы.

В конце XIX века началось увлечение оперой и мелодрамой. Давались всевозможные сборные концерты, в том числе благотворительные. Успешно прошла постановка «Фауста» Шарля Гуно. В эту самую пору на очёрской сцене неожиданно раскрылся талант актера и театрального художника П. В. Сюзева, работавшего тогда служащим заводского правления. Павел Васильевич был человеком, как это сейчас говорят, краевого масштаба. Его знали во многих уголках Пермской губернии. Когда Н. А. Даминова, известный очёрский краевед, собирая исторические материалы об Очёре, приехала в поселок Ильинский, где раньше находилась главная контора Строгановых, то встрети-лась там с одной жительницей этого поселка. Женщина была преклонного возраста и совсем не вставала с постели. Но, когда она услышала вопрос Надежды Анатольевны о том, не помнит ли она режиссера Очёрского театра Павла Васильевича Сюзева, то глаза старушки блеснули молодым огнем: «Ах, этот Поль! – воскликнула она. – Немало женских сердец трепетало только от одного его имени. Но он был исключительно порядочным человеком».

В репертуаре Очёрского театра прочное место занимали пьесы А. Н. Островского «Лес», «На бойком месте», «Без вины виноватые» и др. В начале 1900-х поставили «На дне» М. Горького. Пристав не разрешил ставить пьесу в театре, и ее сыграли в женском училище. Пристав беспокоился не зря: один из тайных осведомителей донес ему, что артисты под видом репетиций занимаются политикой, проводят нелегальные собрания. После спектакля некоторых артистов арестовали и отправили в Оханскую тюрьму.

С 1910 года в труппу любителей пришли рабочие с завода. На каждой афише после первой, самой верхней строки «Очёрский завод» следовала крупная надпись: «С дозволения начальства». Рассказывали афиши и о том, куда шла выручка от спектаклей: на памятник в Петербурге композитору М. И. Глинке, в пользу раненых в Русско-японской войне, в пользу пострадавших от неурожая, на нужды самого театра, на помощь пожарной дружине, в пользу бедных учащихся и народных чтений.

На многих афишах в числе действующих лиц можно увидеть фамилию А. А. Скорынина. Он не только исполнял разные роли, а был и талантливым художником-декоратором. Его березовая роща, вырезанная из полотна и искусно раскрашенная, на сцене выглядела живой, колеблясь и переливаясь. Впоследствии эти декорации перекочевали в заводской клуб и висели на клубной сцене почти до 40-х годов двадцатого столетия.

Любительские спектакли сыграли огромную роль в культурном развитии очёрцев. В театре царила горячая увлеченность сценическим искусством, тесная взаимосвязь и полное взаимопонимание между актерами и режиссерами, многолетняя крепкая дружба без всяких закулисных интриг.

В 1957 году руководителем театра стал Евгений Николаевич Бояршинов. Он поставил оперетту Б. А. Александрова «Свадьба в Малиновке». Потом было множество других постановок, этапный спектакль – «Лес», благодаря которому в 1973 году театру было присвоено звание народного.

В настоящее время в театре работают пять коллективов, в которых сорок актеров. И все заняты. Все репетируют, готовят новые спектакли, учатся у опытных актеров, повышают свое сценическое мастерство.

В конце октября 2006 года труппа Очёрского театра со спектаклем по пьесе А. Дудаева «Вечер» выезжала в город Верещагино. Главным режиссером театра с 2003 года является Е. В. Муршель. Заведующая постановочной частью – В. И. Чарнцева.

За 200 лет Очёрский театр знал взлеты и падения. Были годы, когда труппа насчитывала несколько десятков человек, и годы, когда оставалось три-пять актеров. Но театр продол-

жал жить и радовать зрителя. И сегодня спектакли театра, обращенные к прошлому и настоящему, близкому и далекому, остаются созвучны стремительно меняющемуся времени.

Галина Лесина,
ученица финансово-экономического колледжа г. Перми
Руководитель – М. М. ЗАКАРЯ

ПАРК «КУЗЬМИНКА» – ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДОСТОЯНИЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Государственный памятник природы «Лесной парк Кузьминка» – достояние Пермского края. Он заложен в 1842 году знаменитым русским лесоводом и археологом Александром Ефимовичем Теплоуховым (1811–1885). Расположен парк на склонах оврага реки Кузьминки на окраине поселка Ильинский, в 16-м квартале Ильинского лесничества Ильинского лесхоза Пермского края.

В геоботаническом отношении район территории поселка Ильинского относится к Камско-Печерско-Западноуральской подпровинции Урало-Западносибирской таежной провинции, подзоне южной тайги и Камско-Обвинского округа. Он занимает равнину с пологими увалами. Коренной растительностью является пихтово-еловые и елово-пихтовые зеленомошные леса, местами они с подлеском из липы, в травяно-кустарниковом покрове имеется кислица, черника, медуница, сныть и др. Кое-где встречается лиственница. Вблизи Камского водохранилища много осиновых и березовых лесов с незначительной примесью липы, есть участки коренных темнохвойных лесов. У берегов Камского водохранилища встречаются довольно крупные болотные массивы. Местами можно встретить участки заболоченных сосновых и еловых лесов, среди последних наблюдается примесь кедра.

Начинался лесопарк трудно. Первые годы не дали никаких результатов. А.Е. Теплоухов писал по этому поводу: «Сеяное и саженное или вовсе не росло, или растет, но слишком плохо и скоро должно совершенно погибнуть». Часты были потравы всходов скотом. Со временем лесопарк благоустраивался. Появились дорожки, пруд с карасями, беседки, домик по горно-

швейцарскому типу. За насаждениями и постройками любовно ухаживали, соблюдали заповедный режим: не рубили деревья и убирали сухостой, травы скашивали в конце лета по вызревании семян, сохраняя таким образом семенное возобновление.

Другой наш знаменитый земляк – П. В. Сюезев отметил в 1921 году около 400 видов растений в лесопарке.

В 1995 году старший научный сотрудник Пермского государственного университета, кандидат биологических наук В. П. Левковский, работая в лесопарке «Кузьминка», отметил 120 видов растений, в том числе редких, особо охраняемых.

На территории парка «Кузьминка», площадь которого около 6 га, специалисты выделили шесть различных ассоциаций: светлохвойные лиственнично-сосновые; сосново-еловые с примесью березы; небольшой участок широколиственного леса с вязом шершавым, сосной и липой; суходольные разнотравные и пойменные разнотравно-злаковые луга и молодые посадки лиственнично-сосновые.

Основная масса пород достигает возраста 70-80 лет, высоты до 25 м. Береза бородавчатая в древесном ярусе достигает высоты 22 м и возраста около 100 лет, ель сибирская до 20 м, возраст около 60 лет. Редкие особи пихты сибирской до 16 м, их возраст около 30 лет. Кедр высотой до 20 м, возраст около 60-70 лет. В подлеске – липа мелколистная, черемуха обыкновенная, рябина обыкновенная. Среди кустарников – бузина красная, шиповник коричный, реже смородина черная, кизильник черноплодный, жимолость лесная, крушина ломкая, малина. Высота яруса достигает 3–4 м.

Во флоре лесопарка восемь видов редких и особо охраняемых растений: колокольчик персиколистный (Красная книга СССР), сосна сибирская (кедр), лиственница сибирская, ветреница алтайская, купальница европейская. Лесостепные реликты – клевер горный, дрок красильный, кизильник черноплодный (охраняемые растения Пермского края). Из реликтовых лесостепных видов встречаются дрок красильный, клевер горный, тмин обыкновенный, кизильник черноплодный, горошек заборный, полынь обыкновенная и др.

На территории парка «Кузьминка» произрастают и лекарственные растения. К ним относятся такие виды, как пустырник пятилопастный, береза бородавчатая, сосна обыкновенная, сосна сибирская, черемуха обыкновенная, рябина обыкновен-

ная, липа мелколистная, лютик едкий, лютик ядовитый, земляника лесная, манжетка обыкновенная, костяника, смородина черная, крушина ломкая, бузина красная, малина, лопух, мать-и-мачеха, череда трехраздельная, таволга вязолистная, подорожник большой, подорожник средний, тысячелистник обыкновенный, чистотел большой, крапива двудомная и др.

Парк «Кузьминка» расположен почти на территории поселка Ильинского, поэтому антропогенное влияние на него неизбежно. Кто-то косит там сено, случаются самовольные рубки, люди разводят костры, вытапывают травы, засоряют территорию, пасут скот. Следует ограничить сенокосение, выделив для этого специальные участки, запретить выпас скота, особенно коз, так как они способны уничтожить подрост широколиственных пород и реликтовые кустарники. Следует запретить сбор букетов декоративных растений и заготовку лекарственных трав и веников. На входе в охраняемую территорию должна быть информация о правилах поведения в лесопарке.

На данный момент основная часть территории памятника природы благоустроена, однако на некоторых участках деревянное покрытие тротуаров пришло в ветхость, поэтому необходима замена покрытий на таких участках. На крутых склонах вдоль тротуаров в целях безопасности необходимо устроить перила.

Деревянную плотину следует отреставрировать, так как она является своеобразным памятником русского деревянного зодчества, а мы знаем, что парк «Кузьминка» имеет еще и историко-мемориальное значение. Следует восстановить также пруд и очистить русло реки Кузьминки.

Необходимо провести рубки лесных насаждений, устранить жердняк малоценных пород, дать простор ценным породам и элитным мемориальным деревьям, посаженным А. Е. Теплоуховым. Надо частично убрать разросшиеся кусты бузины. В результате осветления произойдет восстановление богатого травяного покрова. Следует также убрать сорняки, которые не типичны для лесных фитоценозов.

«Кузьминка» – это исторический памятник развития отечественного лесоводства, ботанический сад и музей редких в природе растений и необычных сообществ. Он имеет культурно-просветительное, историко-мемориальное, научное и рек-

реационное значение не только для Пермского края, о его существовании знают за рубежом, например, в лесном департаменте Дании.

«Кузьминка» – не единственная живая память трудов Теплоуховых. Ф. Теплоухов, продолжая дело своего отца, развивая его идеи, создавал в Строгановском имении искусственные лесонасаждения, которые служат в настоящее время эталоном выращивания лесов. Их изучение позволяет разрабатывать научные основы искусственного лесовозобновления. Они представляют уникальный и единственный в зоне тайги опыт посадок и посевов сосны, ели и лиственницы.

Софья Назарова,

ученица 9 класса школы с. Платошино Пермского края
Руководитель – Е. И. ПЕТРОВА

ВСТРЕЧИ С ВИКТОРОМ ПЕТРОВИЧЕМ АСТАФЬЕВЫМ

**(Воспоминания моего дедушки
М. А. Блинова)**

Воспоминания – это тонкая нить, связывающая прошлое с настоящим. Эта нить становится прочной, когда памятные страницы жизни одного человека – не только его достояние. Речь пойдет о моем дедушке Михаиле Александровиче Блинове. Он более 40 лет проработал в Платошинской школе учителем русского языка и литературы. Он часто рассказывал мне о городе Чусовом, где прошли его детство и юность. Особенно ему дороги воспоминания о Викторе Петровиче Астафьеве. Судьба подарила ему встречи с этим замечательным писателем. Об этом он вспоминает:

«Будучи долгие годы преподавателем литературы в школе, с восторгом знакомил я школьников с произведениями Виктора Петровича. Считал, что это моя обязанность как истинного чусовлянина, а чусовляне не меньше, чем пермяки, вологжане, красноярцы считают писателя своим земляком. Мне же такое землячество лестно, потому, что жили мы в Чусовом на улице

Революционной, недалеко от всех трех домов, в которых в разное время проживала семья Виктора Петровича. Конечно, раннего знакомства с писателем у меня произойти не могло: ведь я был моложе его ровно на десять лет. В ту послевоенную пору это была огромная разница: он, опаленный войной, израненный, умудренный жизненным опытом в свои двадцать два года, а мне, пацану, 12 лет. Я и мои сверстники смотрели на него с трепетом, когда он проходил по улице.

Годы шли, мы стали с увлечением читать его рассказы в «Чусовском рабочем». Мой брат Геннадий был приглашен на работу в редакцию газеты «Чусовской рабочий», где Виктор Петрович уже работал. Разница в возрасте была у них три года, поэтому они быстро подружились, хотя и до этого времени были знакомы: брат работал агрономом в Копалинской МТС. Геннадий с уважением и почтением относился к журналисту и писателю Виктору Петровичу Астафьеву.

Скоро вечерами писатель стал бывать у нас дома. Мы как-то сразу почувствовали, что интересуем его не мы (в однокомнатной квартире нас жило в ту пору 12 человек), а наша мама. В квартире устанавливалась тишина. Мама вечерами обычно чистила картофель. А картошки для такой семьи нужно было много. Напротив сидел Астафьев и слушал рассказы мамы о жите-бытье. Его привораживала речь крестьянки... Понятно, что Виктор Петрович Астафьев встречался не только с нашей мамой Елизаветой Петровной, но и с другими пожилыми женщинами. Позднее, после знакомства с книгой «Последний поклон», я понял, что в образе бабушки Катерины много сходного с нашей мамой: и в портрете, и в жестах, и в ласковой требовательности, и в трудолюбии, и в заботе о мире в большой семье, и в речи».

В 1953 году мой дедушка окончил среднюю школу № 9 в городе Чусовом. Ему пришлось идти работать на Чусовской металлургический завод, так как семья испытывала материальные трудности. Он пробовал себя в журналистике: несколько очерков, зарисовок были напечатаны в газете «Чусовской рабочий». Интересны его воспоминания о работе в редакции газеты:

«Пришел на работу в редакцию газеты “Чусовской рабочий”. Мне показали мой стол. Возле окна за столом работал Виктор Федорович Волхонский, ближе к выходу – Сергей Балахонов. Во втором ряду за последним столом спиной к дверям размещался Виктор Петрович Астафьев. Ему было видно лица всех. Я как раз и сидел напротив него. Конечно, я после десятого класса в этом спаянном коллективе чувствовал себя стеснительно, а они относились ко мне по-доброму: не навязывали свое опекуновство, не поучали меня, не подсмеивались надо мной, когда я задавал вопросы, если мне что-то было неясным. Отправляясь по заданию в колхозы, я с ними советовался, особенно с Астафьевым. Как-то я сразу понял, что он знает многих людей и в деревнях: рядовых колхозников, овощеводов, полеводов, трактористов... Три месяца я проработал, как говорится, лицом к лицу с Виктором Петровичем. Три месяца я чуть ли не каждый день видел Виктора Петровича, изредка и разговаривал с ним, но не злоупотреблял этим. Я больше слушал, как он беседует с другими. Щедрость души проявлялась у него во всем, никакого высокомерия не ощущалось.

Однажды я набрался храбрости. Увидел, что Виктор Петрович свободен от дел и настроен поговорить со мной. Постепенно дошло до того, что я положил на его стол свое «произведение». Захотелось узнать его мнение. Сам-то я считал, что рассказ у меня получился неплохо. Он прочитал его внимательно. Я незаметно следил за выражением его лица: то серьезная сосредоточенность, то улыбка мимолетная, редкая. И думал я: “Что же я сделал – дал Астафьеву свой опус, у него и так времени нет, а тут еще я”. Виктор Петрович провел со мной короткую, но яркую, образную беседу. Я понял из его слов зрительно, что такое композиция. Знал это теоретически и раньше, но тут ощутил наглядно. “Вот, – сказал он, – течет ручей, набирает силу; вдруг на пути камень, препятствие. Ручей ударяется, распадается на множество ручейков и продолжает движение. Потом ручейки соединяются, и течет уже величественная река, которая не отпускает читателя, заставляя его чувствовать, мыслить, восторгаться, учиться, жить, познавать правду жизни”.

Хороший урок получил я. В раздумье произнес: “Может, не надо мне писать рассказы?” Виктор Петрович улыбнулся: “Нет уж, кто взялся за перо, не выпустит его, а перо должно писать”.

В этот день после обеда в редакции журналистов не было, и наш разговор продолжился. Виктор Петрович рассказал коротко, но ярко о своем раннем детстве в доме любимой бабушки в Овсянке. А потом сказал: “Думаю я, сколько талантливых писателей, поэтов погибло на войне. Не успели они раскрыть себя, и не узнает мир их творений. Мне судьба определила выжить. Для чего-то ведь определила. Надо писать о добре и о зле”.

Потом он заговорил о моем будущем. “Надо тебе в институт идти. Куда думаешь?” – “Да я собираюсь в пединститут, на филологический”. – “Вот это правильно. Получишь образование, а там видно будет: то ли перо возьмешь снова, то ли в школу. Хорошо бы в сельскую, нужны деревенским ребятишкам учителя мужского пола”.

Я сказал, что у нас в 9-й школе очень хороший учитель литературы Нина Георгиевна Макогон, когда я думаю о выборе профессии, то всегда хочется стать таким же преподавателем русского языка и литературы, как она.

Виктор Петрович подвел черту: “Вот и совпали наши мнения. Будешь учителем в сельской школе и перо не выпустишь из рук”.

Пять лет в пединституте прошли, и я стал работать в сельской школе. Все сбылось: литературу мои ученики любили, мой драмкружок им нравился. И перо я не выпускал из рук, потому что нужно было проверять тетради учеников, писать подробные рецензии на их сочинения. Времени на литературное творчество не оставалось. Но я не каюсь, что последовал совету Виктора Петровича и стал учителем сельской школы. Всю жизнь, как только появлялось новое произведение писателя, я спешил прочитать его и познакомить с ним школьников».

Трогательно рассказывает дедушка еще об одной встрече с писателем:

«Учился я на третьем курсе. Зимняя сессия прошла, в Чусовом долго не был по разным причинам. Решил побывать у родителей. Брат Геннадий спросил, когда я возвращаюсь в Пермь, и сказал, что Астафьев тоже уезжает в Пермь на ночной электричке. В электричке мы ехали почти молча. Я считал, что ему хочется подремать, поспать, поэтому не вступал в разговор. Он, наверное, думал тоже, что мне нужно выспаться перед лекциями. Один раз только заинтересовался, как идет моя учеба. Узнав, что успешно, сказал: "Вот и хорошо, не сдавай позиций. Как мне нужно систематическое образование, об этом я всегда мечтал, но жизнь не создала условий не по моей вине". Мы снова замолчали.

На Перми I вышли из электрички. Перед уходом в издательство Виктор Петрович спросил, как легче пройти ко мне в общежитие. Мы расстались до вечера. А вечером он пришел из издательства усталый, в мокрых валенках: днем была ощутимая оттепель. Он сказал: "Очень спать хочу". Целый день у него прошел в работе над рукописью, от усталости он даже есть не стал. Я устроил его на свою кровать. Он заснул мгновенно. Жил я тогда на первом этаже в общежитии на улице Советской, 62. Однокурсникам я сказал, что у меня ночует Астафьев. Попросил их никому не говорить, а то начнется паломничество в комнату».

Последняя встреча дедушки с писателем состоялась накануне переезда Астафьева в Пермь. Из воспоминаний дедушки:

«День был жаркий. Моя институтская учеба приближалась к завершению. Я приехал на короткий отдых в Чусовой в последние институтские каникулы. У брата Виталия оказался выходной. Мы наметили с утра сходить на реку Усьву. Пришла жена Виктора Петровича, сказала, что подошла машина, нужно грузить вещи, а все знакомые на работе. После погрузки Мария Семеновна пригласила нас на проводины. Мы с братом решили, что не придем: публика будет знаменитая, и мы будем чувствовать себя неудобно. В начале восьмого часа пришел посыльный: "Ребята, что же вы... Мария Семеновна расстроена, хотела сама

за вами идти, да некогда ей. Меня послала, не велела без вас приходить". И вот мы за столом среди известных в городе людей. Мною завладел папа Виктора Петровича. Мне и говорить не нужно было. Приятный мужчина, одетый более парадно, чем сын, стал мне хвалить своего сына-писателя. Слушать было интересно. Позднее в "Последнем поклоне" и в других произведениях я сразу узнавал его – знаменитого покорителя женских сердец.

Больше с Виктором Петровичем я не встречался, а произведения его всегда ждал с нетерпением, и фильмы о нем смотрел, и радиопередачи слушал».

Прошло много лет, но до сих пор дедушка помнит слова В. П. Астафьева: «Перо не выпускай из рук». Будучи на пенсии, он записывает интересные истории из своей жизни, а для своих внуков написал две книжки: «Софьюшкины сказки» и «Анечкины сказки».

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Елена Афанасьева

Жить не по лжи 3

Татьяна Гадельшина

К вопросу о жанровых особенностях «Затесей»
В. П. Астафьева 9

Галия Гайнанова

Невеселые размышления над повестью В. П. Астафьева «Веселый солдат» 13

Светлана Дементьева

«Кто погасил свет в наших душах?» (По рассказу В. П. Астафьева «Слепой рыбак») 19

Елена Кузякина

«Любовь и война – две неравные доли» в повести
В. П. Астафьева «Пастух и пастушка» 25

Алексей Поздеев

Уроки доброты бабушки Катерины Петровны (По рассказам из книги В. П. Астафьева «Последний поклон») 29

Юлия Филиппова

Потерянное детство в повести Виктора Астафьева «Кража» 35

Татьяна Шургина

Частушки села Григорьевского как иллюстрация послевоенной жизни села 40

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Жанна Волкова

Мне письма рассказали... 47

Юлия Зубарева

Дела и люди земли моей (Станция Чайковская в годы Великой Отечественной войны) 53

Юлия Каракулова

Герой Заполярья 57

Ольга Киосе

Детские судьбы, войной опаленные (Размышления
о воспитанниках детских домов) 62

Анна Крылова

Поиски прадеда 67

Ирина Спехова

Узница мракобесия 70

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Ольга Жужгова

Мы готовы своим трудом украшать эту землю (История
семьи в истории поселения) 75

Анна Зоидзе

Река Чусовая в произведениях писателей Урала 79

Татьяна Калинина

Очёрский народный театр 81

Галина Лесина

Парк «Кузьминка» – экологическое достояние Пермского
края 85

Софья Назарова

Встречи с Виктором Петровичем Астафьевым (Воспоминания
моего дедушки М. А. Блинова) 88

Научно-популярное издание

Астафьевские чтения

Юношеская секция

(ноябрь 2008)

**ВРЕМЯ «ВЕСЕЛОГО СОЛДАТА»:
ЦЕННОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ОБЩЕСТВА
И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Куратор проекта В. Шмыров

Редактор Н. Гашева

Корректор Т. Ускова

Компьютерная верстка Л. Пенягина

ISBN 9785903777044

Подписано в печать 26.08.2009. Формат 84х108^{1/32}.

Тираж 300 экз. Заказ № 13985.

Отпечатано из готовых файлов

ООО «Типография «Астер»,

г. Пермь, ул. Усольская, 15, тел. 249-54-01

